

РОВЕСНИК

1
1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Январь, 1979 год, № 1

«УРОК У КАРТЫ» — НОВАЯ РУБРИКА «РОВЕСНИКА»

Первый урок — у карты Африки, о проблемах которой рассказывают представители молодежи этого континента, советский ученый, иностранные и советские журналисты.

На первой странице обложки: эта фотография, пожалуй, наиболее полно отражает исторические завоевания кубинской революции, 20-летие которой отмечается 1 января 1979 года: дети острова Свободы — его самое драгоценное достояние, его надежда, его будущее.

Фото И. ГАВРИЛОВА

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 28.12.78 Подп. к печ. 09.01.79. А03506. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Условн. печ. л. 3,36. Учетно-изд. л. 4,8. Тираж 1 180 000 экз. Цена 25 коп.
Диапозитивы иллюстраций изготовлены в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Заказ 2003. Адрес издательства: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.
Набор и печать — Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Заказ 3098. Адрес полиграфического комбината: г. Чехов Московской области.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

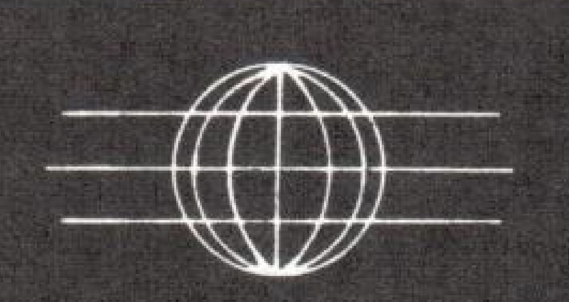
ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ. Члены организации Социалистической немецкой рабочей молодежи использовали день открытых дверей во Франкфуртской ратуше накануне выборов в ландтаг земли Гессен, чтобы еще раз предъявить властям свои требования. Члены СНРМ, молодежь города вышли на улицы с лозунгом «Откройте двери для молодых». Они организовали сатирические представления: «бой боксеров» за последнее рабочее место, «охота на ведьм» — запрет на профессии в действии. В листовках СНРМ разоблачил лицемерие и ложь официальных заявлений: так, по статистике, город занимает одно из первых мест в стране по уровню профессионального образования, а на деле 5 тысяч молодых людей Франкфурта-на-Майне не имеют работы и каждый четвертый выпускник средней школы оказывается на улице; горожанам демонстрируют новую очистительную установку, в то время как в воды Майна ежедневно спускается 864 тонны вредных отходов; бургомистр Валльман якобы славится своим демократизмом, а руководителя городского театра уволили за то, что он пропагандировал подлинный демократизм со сцены. Активисты союза призвали молодежь города оказывать поддержку ГКП — партии, реально представляющей интересы трудящихся.

БЕРЛИН. В честь 30-летия образования Германской Демократической Республики Союз свободной немецкой молодежи обратился к юным гражданам страны с призывом, в котором говорится: «Марксистско-ленинское учение — компас всей нашей жизни, поэтому мы должны овладеть законами нашей эпохи, изучить революционную историю нашей республики». Эти вопросы и легли в основу новой программы, по которой занимаются в текущем учебном году учащиеся школ по повышению уровня политических знаний. Они изучают биографии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, основные положения марксистско-ленинской философии и политэкономии, программу СЕПГ.

АДДИС-АБЕБА. Русское слово «воскресник» прочно вошло в амхарский язык. Трудящиеся Эфиопии организованно под красными флагами революции и зелено-желтыми национальными знаменами отправляются на работу — помогать своей республике залечивать раны недавней агрессии и многовековой отсталости: они строят и ремонтируют дома, прокладывают дороги, убирают захламленные территории. Идет пятый год революционных преобразований в Эфиопии. За это время национализированы крупнейшие предприятия, проведена аграрная реформа, впервые в истории страны законом установлен 8-часовой рабочий день, гарантировано право на труд, двери школ и высших учебных заведений открыты для детей трудящихся.

На снимке: эфиопские студенты и старшие школьники разъясняют крестьянам программу хозяйственного развития страны.

ЛУАНДА. В Народной Республике Ангола более двух миллионов граждан в возрасте от 15 до 25 лет, то есть каждый третий анголец моложе 25 лет. Сейчас молодежь республики создает свою массовую организацию, которая под руководством МПЛА — Партии труда будет активно участвовать в строительстве социализма в стране. На первой национальной конференции молодежи подведены итоги большого исторического этапа — участия молодежи в общенародной борьбе против колониализма и империалистической агрессии, за национальную независимость, определены задачи молодых в строительстве социализма. Задачи эти весьма ответственны: оборона страны и создание ее вооруженных сил, борьба с бандитизмом, восстановление разрушенного хозяйства, перестройка экономики на социалистических началах. И конечно, учеба. Сейчас каждый пятый анголец по вечерам сидит за партой.

УЛАН-БАТОР. Эрдэнэт в Монголии называют молодежным городом, подавляющее большинство его населения моложе 30 лет. Для строителей гиганта цветной металлургии республики созданы школы социалистического труда, где преподают монгольские и советские специалисты, например, заслуженный строитель МНР Д. Дагвасамбу, заслуженный строитель РСФСР А. В. Чекашов, Герой Социалистического Труда П. С. Иванченко. Более 600 наставников шефствуют над недавно приехавшими на стройку ребятами, обучают их строительным профессиям.

ВЬЕНТЬЯН. В лаосской провинции Луангпрабанг открыто первое в этих местах медицинское училище. В нем учатся 100 человек, все они на полном государственном обеспечении. Еще несколько лет назад в провинции не было ни одной больницы, сейчас действует современный госпиталь. Но специалистов-медиков с высшим и средним образованием очень мало. (Директор училища Буньонг Буфа окончила медицинский институт и защитила диссертацию в Москве, ее заместитель доктор Сифон — молодой врач из Вьетнама.) Первый выпуск училища, который состоится через три года, все ждут с нетерпением.

КЛИВЛЕНД. В ряде городов США проходит забастовка учителей и служащих средних школ. В Кливленде, например, не работает ни одна школа. Около 3 тысяч человек приняли участие в демонстрации в центре города, самой крупной из всех когда-либо проводившихся здесь. Основное требование кливлендских учителей — улучшить условия труда, повысить заработную плату. Однако на требования забастовщиков представитель городских властей ответил, что прибавка к заработной плате может быть достигнута лишь ценой сильного сокращения числа школьных учителей, поскольку народное образование города на грани банкротства.

На снимке: кливлендские школьники поддерживают требования бастующих учителей.

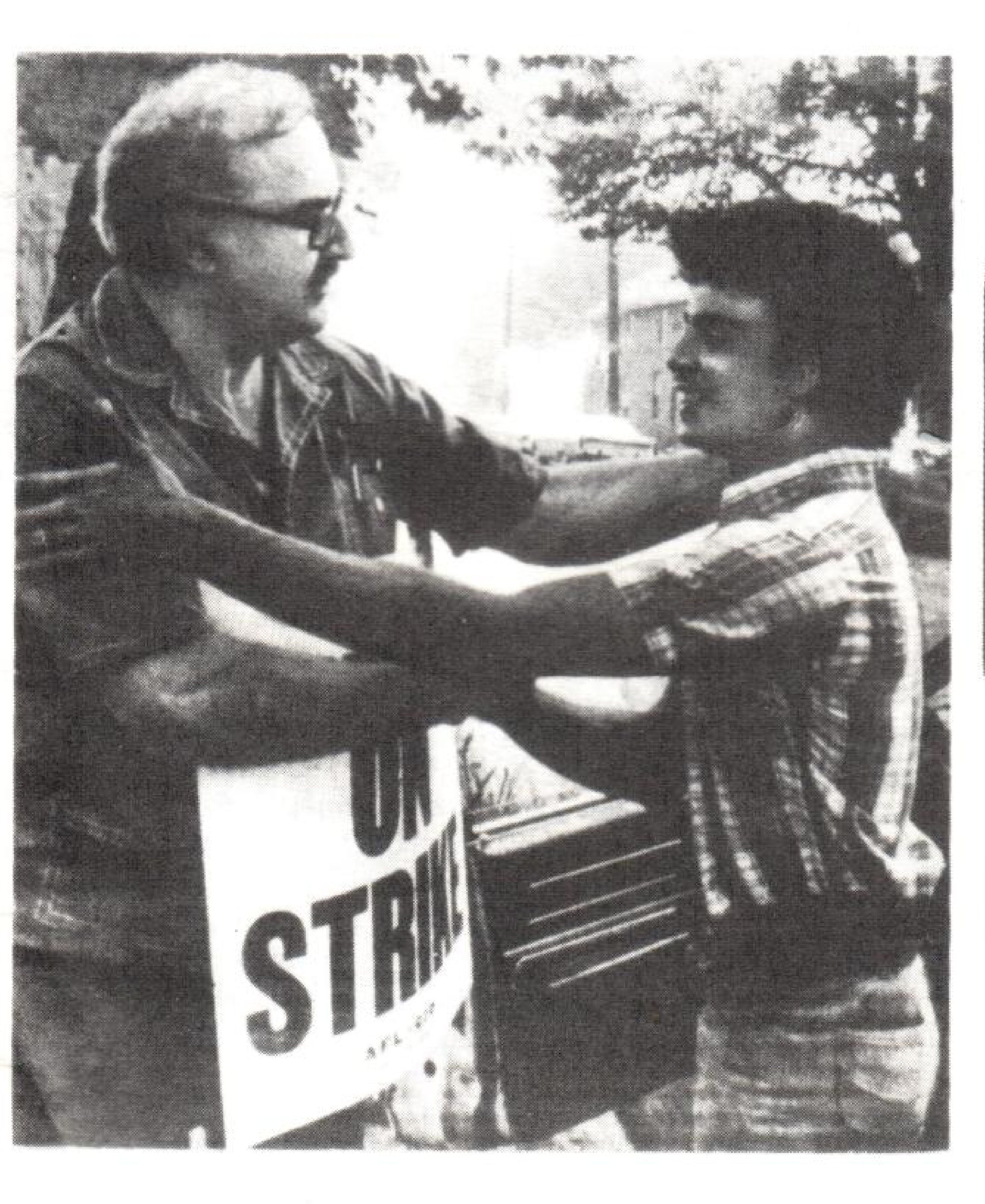
ГАВАНА. Делегация детской социалистической организации «Юные пионеры» ФРГ впервые побывала в гостях у пионеров Кубы. Газета западногерманских коммунистов «Унзере цайт» опубликовала впечатления участников поездки: «Кубинская революция дала возможность всем детям ходить в школу. Правительство помогает многодетным семьям. Повсюду мы замечали огромную заботу о молодом поколении. В пионерском лагере имени Хосе Марти мы с удовольствием участвовали в праздниках солидарности, дружеских встречах с пионерами из ГДР, Народной Демократической Республики Йемен, Болгарии, Португалии, Народной Республики Конго, палестинскими ребятами. В этом лагере в роскошных виллах, до революции принадлежавших миллионерам, ежегодно проводят каникулы 20 тысяч ребят».

СОФИЯ. В болгарских вузах уже четвертый год учатся на средства фонда, созданного решением СЭВ, будущие агрономы, врачи, инженеры из развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки. В этом учебном году число студентов с этих трех континентов превысило полторы тысячи человек. В развивающихся странах работает уже более 5300 молодых специалистов, получивших высшее, среднее специальное образование или защитивших диссертации в НРБ.

БУХАРЕСТ. В Крайовском университете прошла выставка изделий, созданных студентами и внедренных в производство: машиностроение, металлургию, химическую промышленность. Многие из экспонатов были темами дипломных проектов студентов университета. Например, вклад учащихся электротехнического факультета в научно-производственные разработки, сделанные ими по заказам промышленных предприятий республики, оценивается в 12 миллионов лей. Так на практике действует основной принцип высшего образования в республике — совмещение теоретической подготовки с производительным трудом по избранной специальности.

ХАНОЙ. За последние три года 3,5 миллиона граждан Социалистической Республики Вьетнам получили постоянные рабочие места, более половины из них — молодежь. За это же время создано более 150 школ и центров профессиональной подготовки, с помощью которых удалось в короткий срок увеличить число специалистов, повысить квалификацию кадров для важнейших отраслей народного хозяйства. В настоящее время в 30 профессионально-технических училищах страны занимаются 127 тысяч юношей и девушек. Бо́льшую помощь в развитии профессионально-технического образования оказывают республике Советский Союз и другие братские социалистические страны.

На снимке: крепкая дружба связывает хайфонских портовиков с экипажем советского судна «Иван Коржов».

СМОТРИТЕ: СЭВ — в действии. Студенты из Монгольской Народной Республики строят дорогу от лесопромышленного комплекса к новому Усть-Илиму; каждый день из ворот Московского автомобильного завода имени И. А. Лихачева уходят машины в страны социалистического содружества; сварка последнего шва на крупнейшей интернациональной стройке — прокладке газопровода «Союз».

Фото А. Мелихова, Г. Малахова, В. Селезнева

НАЦЕЛЕННОСТЬ НА ТВОРЧЕСТВО

Александр КАВЕРЗНЕВ,
политический обозреватель Советского телевидения и радио — для «Ровесника»

Совету Экономической Взаимопомощи в нынешнем году тридцать лет. По этому поводу я мог бы сейчас вспомнить один из наших городов, разрушенных войной, темные улицы, заснеженные трамвайные пути, своих родителей, бредущих с работы под стук деревянных подметок о заледенелые тротуары, скудные пайки конца 40-х годов,— вспомнить и начать по-житейски описывать дистанцию, пройденную странами СЭВ за тридцать лет.

Но я сразу хочу ввести вас в искрящуюся атмосферу Нововоронежской атомной электростанции, с ее полированными пультами, электронными схемами, видеомагнитофонами, среди которых четко работают уверенные в себе корректные молодые люди — тамошние жители и приехавшие из Болгарии, Венгрии, ГДР. В 1977 году на Нововоронежской открыли учебно-тренировочный центр для специалистов из стран, входящих в Совет Экономической Взаимопомощи. Для встречи с ними я и приехал на эту станцию, сооружения которой красиво вписаны в излучину Дона в сорока минутах езды по шоссе от Воронежа.

Подчеркнутый интерес к современности в дальнейшем моем рассказе вовсе не будет означать, что я намерен совсем не касаться истории. Ведь память о прошлом незримо живет в делах сегодняшних. Это память о том, что у истоков нынешней болгарской индустрии был завод, с 1902 года носивший смелое название «Будущность», но вплоть до победы социалистической революции изготовлявший

только подковы и лемехи; о том, что ГДР унаследовала лишь две доменные печи из двухсот шести, имевшихся в бывшей Германской империи. Разве можно не помнить, как наши люди помогли друзьям создать металлургические заводы, способные выплавлять 26 миллионов тонн стали в год, проложили нефтепровод «Дружба», участвовали в строительстве нефтехимических предприятий в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии? Не было бы этого, не было бы теперь однотипных с Нововоронежской атомных электростанций возле болгарского города Козлодуя, в Ясловских Богуницах в Чехословакии, близ Рейнсберга и Грейфсвальда в ГДР.

В дни, когда наша страна праздновала 60-летие Великого Октября, было подсчитано, что Советский Союз оказал другим социалистическим странам содействие в строительстве 2137 предприятий; к тому времени уже 1487 из них работали на полную мощность.

Не будем забывать и того, что наше собственное развитие проходило бы в более трудных условиях, если бы мы сами не получили содействие от партнеров. Все ли знают, какими внушительными цифрами оно выражается? Лишь за первую половину 70-х годов из братских стран к нам поступило 40 тысяч различных металлорежущих станков, 39 тысяч автобусов, 6700 кранов, 6400 экскаваторов...

За нынешним богатством нашего содружества стоят годы великих совместных трудов и столь же великого противоборства социалистических идей с буржуазной политической и экономической мыслью. Когда в 1949 году налаживалось сотрудничество в рамках СЭВ, мало кто представлял себе, какой в конечном итоге должна быть эта первая в истории международная экономическая организация социализма. Лишь в самых общих чертах предугадывалось, что она превратится в ведущую силу мирового экономического развития. Почти 20 лет накапливались мощности, оттачивались взаимоотношения между партнерами, аккумулировались идеи, замыслы, планы, прежде чем СЭВ в широких масштабах перешел от примитивного, на нынешний взгляд, традиционного товарообмена к специализации и кооперированию производства, от двустороннего сотрудничества к многостороннему. На рубеже 70-х годов стала возможной Комплексная программа социалистической экономической интеграции. В 1976 году на XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев впервые обосновал идею долгосрочных целевых программ. В прошлом году сессией СЭВ были приняты три первые программы из пяти задуманных. Одна из них имеет самое непосредственное отношение к развитию атомной энергетики в нашем содружестве вплоть до 1990 года.

Естественно, и это обстоятельство я имел в виду, направляясь на Нововоронежскую для встречи со специалистами из братских государств. Однако интересовали меня не технические аспекты проблемы. Хотелось осмыслить деятельность СЭВ под несколько непривычным гуманитарным углом зрения: как содействует эта организация формированию личности в социалистическом обществе? В поисках ответа на этот широкий вопрос мне надо было прежде всего узнать мнение наших партнеров и самому посмотреть, рутинно или творчески работают люди на таких ультрасовременных предприятиях, как атомная электростанция. Поясню, что я имею в виду.

Вы тоже, наверное, наслышаны о том, будто научно-технический прогресс низводит рабочего до положения примитива, призванного нажатием кнопок управлять автоматическими системами. Обучить этому можно вроде бы и несмышленого человека. А потребность в рабочих высокой квалификации, вложивших в овладение профессией годы жизни и большие душевные силы, тем временем неуклонно сокращается. В итоге промышленный труд якобы лишается интеллектуального начала.

Допустим на минуту, что такая тенденция неизбежна. Для социалистического общества это означало бы как минимум психологический тупик. Ведь стремление к одухотворенному радостному труду было одним из основных побудительных мотивов социалистической революции. Что же, это стремление неосуществимо?

Есть тут и другая грань. Рабочему классу в нашем обществе принадлежит ведущая роль. Остальные слои населения принимают его первенствующее положение и нравственные нормы из глубочайшего уважения к труду. Естественно, им не безразличен характер этого труда. Можно почтительно относиться к честному чернорабочему, к его социальным и политическим правам, но ясно, что мастера своего дела, обязанности которых сопряжены с коллективным творчеством, ценятся выше. И чем больше таких мастеров, тем прочнее влияние рабочего класса.

С самого начала социалистических преобразований в нашей стране, потом в Восточной Европе и на других континентах коммунисты пытались видоизменить массовый труд под стать уровню самосознания рабочего класса. Не их вина, что это долго не удавалось. Мешали экономическая отсталость, другие наслоения прошлого. Пока их преодолевали, сознание уходило вперед. Оказалось, что все же легче открыть тысячи школ и дать миллионам рабочих среднее образование, нежели вооружить стремительно развивающуюся экономику всеми нужными механизмами, искоренить тяжелый физический труд.

Вспомните, с какими надеждами мы встретили научно-техническую революцию, набравшую силы на рубеже 70-х годов. Не только материальные ее выгоды увлекли участников СЭВ. Воодушевили захватывающие творческие перспективы. Именно в эти годы социалистические страны Европы, в известной степени Монголия и Куба, сумели покончить со многим из того безрадостного, нудного, неприятного, что было составной частью промышленного и сельскохозяйственного труда. Мы приветствовали и сразу выдвинули на передний план те особенности научно-технической революции, которые отвечают гуманистической сущности социализма.

И что же дальше? Некоторые маститые буржуазные социологи говорят, что мы преждевременно радуемся. Это пока, дескать, мы не замечаем деградации рабочего класса, поскольку вчерашнему землекопу или грузчику дежурство возле автомата представляется интеллектуальным занятием. Истина, мол, откроется нам в тот момент, когда мы начнем широко использовать на своих предприятиях последнее поколение станков с программным управлением и особенно миниатюрные электронные схемы, а также роботов.

Атомная электростанция — предприятие примерно такого разряда. Где, как не там, было поговорить на эту тему с товарищами из ГДР, Болгарии, Венгрии и поискать практическое подтверждение тем или иным взглядам?

Первое, что оказалось для меня неожиданным, — это регулярные теоретические занятия не только со стажерами, но и с остальным персоналом, работающим на станции не один год. Зачем? Отвечают: чтобы посто-

янно наращивать производство электроэнергии. Я засомневался: разве это зависит не от мощности реакторов, качества электронных узлов, аппаратуры управления и бесконечного множества прочих элементов оборудования атомной электростанции? Нет, сказали мне, успех или неудача в равной степени зависят от того, насколько широк научный кругозор служащих и рабочих, каковы их навыки.

Мне увиделось противоречие между этими словами и тем, что на самом деле происходило у пультов управления действующими реакторами. Люди наблюдали за показаниями всевозможных счетчиков и датчиков. И только. Тогда меня повели к тренажеру главного щита управления типового реактора, поставляемого Советским Союзом другим участникам СЭВ. Там я столкнулся со второй неожиданностью — с длительной отработкой более ста вариантов аварийных ситуаций, в том числе таких, которые никогда не встречались в практике, а лишь теоретически возможны. Но тот, кто не знает, как с ними справиться, не будет допущен на строящиеся сейчас атомные электростанции.

Вот тот интеллектуальный уровень промышленного труда, на который ориентируется СЭВ. Можно ли сомневаться в том, что, поднявшись на него, рабочий класс обретет еще большее влияние в обществе?

Разумеется, между сегодняшним массовым трудом и творческой работой на такой станции или в сфере космических исследований лежит еще длинная дистанция. Преодолевается она не без усилий. Но, как видите, путь открыт всем участникам СЭВ независимо от масштабов их национального экономического и научного потенциала. Это не значит, конечно, что все они одинаковыми темпами ликвидируют упомянутый разрыв. Различие в темпах объясняется объективными факторами, прежде всего историческими. Между тем есть и выдающиеся успехи общеевропейской значимости. В частности, в Германской Демократической Республике по всем выкладкам уже сейчас процент рабочих, труд которых приобрел творческий характер, один из самых высоких в мире.

Вы вправе спросить, однако, неужели этот процесс неведом капиталистическим странам и почему буржуазная общественно-политическая мысль так настаивает на антигуманной сущности научно-технической революции?

Думаю, что только по социальным причинам. В Западной Европе, в Соединенных Штатах Америки, в Японии в последнее время столкнулись с таким новым явлением, как распад целых слоев высококвалифицированных рабочих, за которыми прежде сохранялись места даже в кризисных ситуациях. Их увольняют или на три, четыре, а то и пять разрядов снижают им заработную плату. Я заимствую эти данные из западногерманских источников и легко вычитываю между строк, что в такой атмосфере анархии не может быть и речи о планомерной ориентации на грядущий отрадный творческий труд. Это звучало бы насмешкой над сотнями тысяч людей, переживающих настоящую драму.

Похоже, что от этого мучительного процесса капиталистическому обществу никуда не уйти. Но истолковать его причины можно по-разному. Можно попытаться представить его как неотвратимую порочную особенность самой научно-технической революции, на чем и настаивают многие буржуазные мыслители. Или увидеть в нем органический порок социальной системы капитализма, которая не в силах противостоять негативным последствиям научно-технической революции. Мы, как известно, придерживаемся второй точки зрения.

У нас есть на это основания потому, что социалистический общественный строй и такая его организация, как СЭВ, на практике доказывают, что скверные последствия тут вовсе не обязательны. Опять-таки наиболее поучителен в этом отношении опыт ГДР, Чехословакии, Венгрии, которые наряду с Советским Союзом стоят на правом фланге научно-технического прогресса в социалистическом содружестве. Но про нашу страну можно резонно сказать, что это огромное государство с колоссальной мощью, неистощимыми ресурсами и безграничными возможностями перемещения рабочей силы несоизмеримо с западноевропейскими да и вообще ни с кем, за исключением Соединенных Штатов Америки. Зато другие европейские страны нашего содружества соизмеримы. И при всей рационализации производства на современных основах у них нет даже слабых признаков тех социальных недугов, которыми страдают развитые капиталистические страны. Нет дисквалификации промышленного труда, нет регресса заработной платы, нет безработицы. Более того, господствуют прямо противоположные тенденции.

Из всех средств, которыми это достигается, самым универсальным в СЭВ считают беспрерывный стабильный и высокий рост производства. Кстати, на исключительную пользу этого средства указывает и западногерманский журнал «Шпигель», когда пишет применительно к ФРГ: «Если раньше более высокие темпы развития десятилетиями позволяли предоставлять работу лицам, высвобожденным в результате рационализации производства, то в настоящее время экономический рост составляет в среднем 2—3 процента, что далеко от того, чтобы ликвидировать безработицу».

В СЭВ темпы развития в несколько раз выше. Если оглянуться на тридцатилетнюю ретроспективу, то придется вспомнить, что сначала наше содружество по всем экономическим показателям уступало западноевропейскому сообществу. Теперь соотношение сил существенно изменилось в нашу пользу. Электроэнергии мы производим на тридцать с лишним процентов больше, чем они, стали выплавляем в полтора раза больше, втрое превосходим Западную Европу по добыче угля. А вот данные за последнее пятилетие: в 1977 году объем промышленного производства в развитых капиталистических странах после спада возрос на 7 процентов по сравнению с предкризисным 1973 годом; в странах СЭВ он за это же время увеличился на 32 процента. Иными словами, в 70-х годах мы развивались вчетверо быстрее.

Самого пристального внимания заслуживает тот факт, что участники СЭВ ни при каких условиях не отступают от своих программ роста производства, благосостояния и стабильности. А ведь у большинства из них так называемая «открытая экономика»: они крайне нуждаются в связях с мировым рынком. При всех успехах в развитии собственной сырьевой базы они вынуждены в больших количествах импортировать различные виды сырья.

В последние годы цены на многие сырьевые материалы на мировом рынке многократно выросли. Явление оказалось неожиданным, его никто не мог предвидеть. В капиталистических странах оно вызвало спад производства. Наши партнеры по СЭВ не без напряжения, но справились с ситуацией. Очевидно, что у социализма есть огромные внутренние источники сил. Я имею в виду социализм и как общественный строй в конкретных странах, и как мировую социально-политическую систему.

Совет Экономической Взаимопомо-

щи позволяет партнерам решать сложнейшие проблемы в национальных интересах и на пользу всему содружеству. Его начинания так же многогранны, как жизнь, экономическая, социальная, политическая, культурная. Участники СЭВ взаимодействуют по всем мыслимым направлениям сотрудничества. Каждый для себя и все вместе они на долгий срок в принципе решили проблемы энергетического и сырьевого обеспечения. Разделение труда дает партнерам возможность отказываться от производства изделий, которые другие делают дешевле и лучше. Собственные силы они концентрируют там, где располагают наибольшими мощностями, опытом, традициями и где усматривают перспективы.

Опираясь на крупные долгосрочные заказы Советского Союза и других участников организации, члены СЭВ в национальных масштабах смело делают огромные капиталовложения в новые отрасли. Налаживают крупносерийное массовое производство, которое в нынешних условиях только и может быть эффективным, и не оглядываются на то, что их собственный внутренний рынок ограничен одним или двумя десятками миллионов потребителей, что по теперешним понятиям уже не рынок. На взаимовыгодных компенсационных условиях братские государства построили газопровод «Союз» и продолжают сообща возводить на территории СССР едва ли не крупнейшие в мире асбестовый горно-обогатительный комбинат, целлюлозный завод, центр подготовки персонала для гражданской авиации социалистических государств и другие объекты. По существу, все участники СЭВ приобщились к фундаментальным научным исследованиям, весьма дорогостоящим, самостоятельное проведение которых под силу только Советскому Союзу и Соединенным Штатам Америки. Они работают над программой социалистических стран «Интеркосмос». Граждане Чехословакии, Польши и ГДР слетали на околоземную орбиту.

Я уже упоминал о новых долгосрочных целевых программах. Из трех одобренных первая охватывает производство и добычу энергии, топлива и сырья. Вторая касается сельского хозяйства и пищевой промышленности. Третья — машиностроения. В этом году на сессии СЭВ, которая отметит 30-летие организации, подлежат утверждению еще две программы: четвертая по счету, связанная с сотрудничеством в производстве потребительских товаров, и пятая — транспортная. В целом все они подразумевают очень серьезную перестройку многих отраслей производства.

Нововоронежская и однотипные с ней атомные станции в других государствах содружества в 1980 году будут покрывать уже около 10 процентов наших общих потребностей в электроэнергии. С того момента в топливно-энергетическом балансе участников СЭВ начнет уменьшаться удельный вес нефти. Таким образом, мы очень существенно подкрепим позитивную общемировую тенденцию в этом деле и гарантируем свое содружество от энергетического кризиса.

Если говорить о продовольственной проблеме, то в странах СЭВ она решается быстрее, чем в других районах земного шара. После 1960 года в расчете на одного человека среднемировая продукция сельского хозяйства увеличилась на 7 процентов, в развитых капиталистических странах — на 19, а в нашем содружестве — на 31 процент. Но правда и то, что возможности эффективного земледелия и животноводства у нас далеко не исчерпаны. На это и нацеливает вторая из уже принятых программ.

Наконец, понятно, что все отрасли — от зернового хозяйства до атомной энергетики — потребуют огромного количества принципиально новых машин. И тут страны содружества намерены вновь очень тщательно разделить труд, чтобы не дублировать друг друга, не тратить силы впустую и иметь все, что нужно. По замыслу участников СЭВ, 80-е годы должны стать периодом интенсивнейшего развития специализации между ними в кооперировании производства.

Как я уже сказал, мы считаем беспрерывный экономический рост лучшим средством борьбы с возможными негативными последствиями научно-технической революции. Но столь же отчетливо мы сознаем, что полный эффект в процессе гуманизации труда рост производства может дать только при определенных условиях.

Западногерманский «Шпигель» жалуется: «Ни один эксперт, ни один экономист и ни один политик не предложил до сих пор рецепта, каким образом и в какой сфере хозяйства могут проявить свою индивидуальность и свои творческие способности оставшиеся без работы в результате технического прогресса».

Участники СЭВ не ждут советов «одного эксперта», «одного экономиста», «одного политика». Безработицу как якобы неизбежное следствие НТР они отвергают в принципе. Ведь рационализацией производства они занимаются по заранее продуманному плану в масштабах всего общества, в интересах общества и за счет общества. Можно сослаться на массовое техническое творчество в социалистических странах, на рост числа рабочих-изобретателей и курсов по повышению квалификации и школ переквалификации. Профессиональная ориентация подрастающего поколения координируется с народнохозяйственными планами.

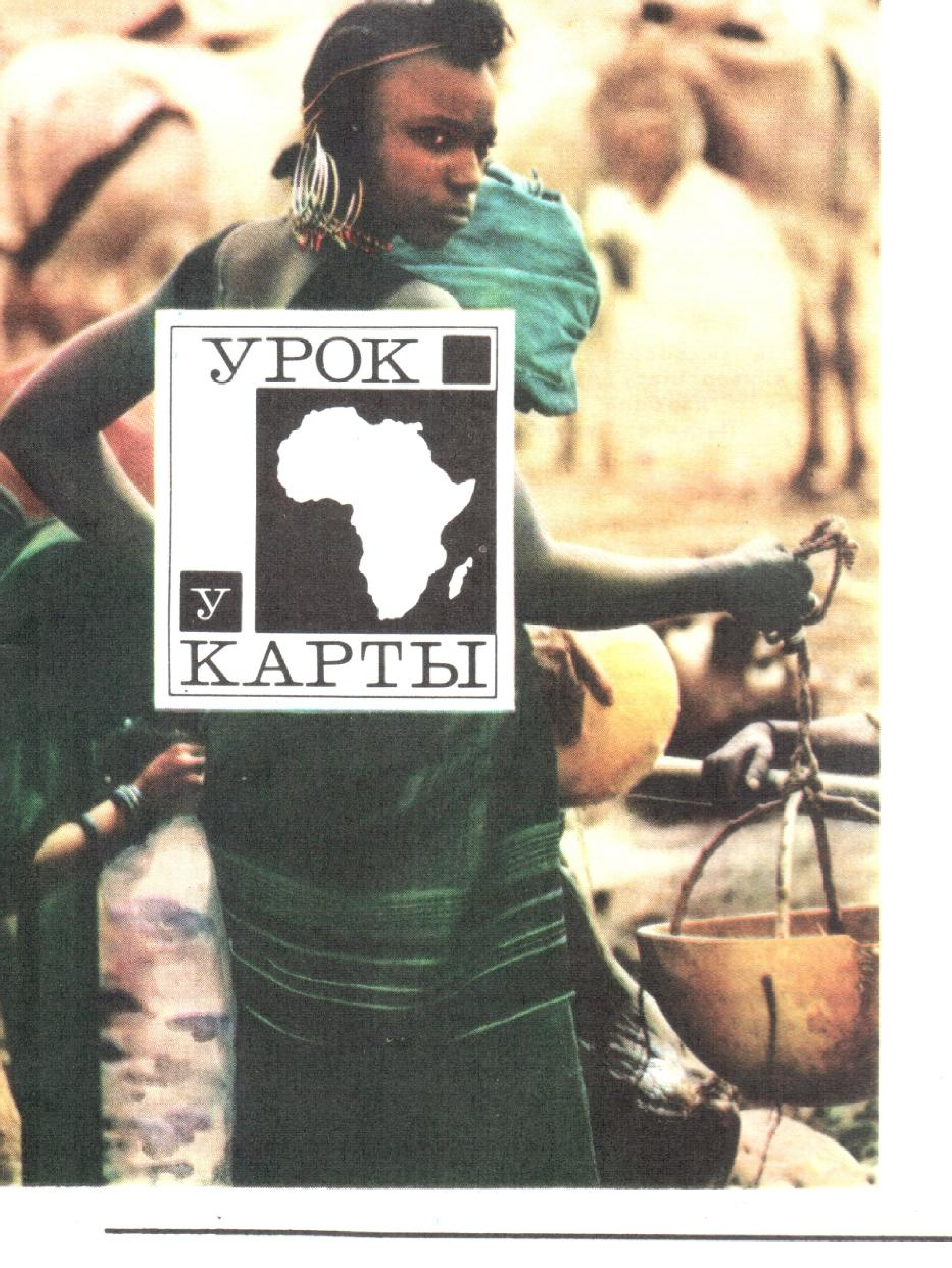
Вспоминаю встречу в одной из берлинских школ — с девушкой по имени Рената. С шестого класса она заполняла ежегодно своего рода анкетки, в которых объясняла, какую профессию и почему хотела бы получить. Пристрастия менялись, но в конце концов на протяжении нескольких лет интересы и склонности устоялись. Она выбрала одну из строительных профессий. Воспитатели поддержали этот интерес и тут же, в школе, дали Ренате первые трудовые навыки.

Я спрашивал у девушки, догадывалась ли она, что учителя чуть-чуть подталкивали ее в ту сторону, которая отвечала общественным нуждам? Рената пожала плечами.

За полгода до окончания десятого класса она отправила заявление в одно строительное управление, с тем чтобы получить там профессиональное образование, а потом работать. По принятым в ГДР правилам, ей должны были ответить в течение двух недель. С Ренатой, еще школьницей, заключили полноправный договор, предопределивший ее дальнейшую жизнь. Это был результат не случайного, а хорошо осмысленного и обществом, и самой девушкой выбора. С первых шагов она почувствовала, как уважительно относятся к ней, какое серьезное место ей отводят и какую тем самым возлагают на нее ответственность.

От Ренаты я услышал сентенцию, на которой лежал налет школьной мудрости, но которая тем не менее характерна для ее поколения и кажется мне уместной в разговоре о гуманистических аспектах деятельности СЭВ:

«Ихтиозавры вымерли, потому что у них был слишком большой вес и слишком маленький мозг. Я же буду пользоваться техникой, которая в тысячи раз мощнее ихтиозавра, а свои силы стану расходовать на продуктивную деятельность мозга».

В этом номере «Ровесник» открывает новую рубрику, которую решено назвать «Урок у карты». В материалах под этой рубрикой редакция будет стремиться по возможности подробно рассказывать о проблемах и событиях, определяющих современное лицо того или иного континента, крупного географического региона. «Остановить мгновение», поразмышлять над конкретными событиями и фактами из стремительного потока международной жизни, известной всем нам из ежедневных сообщений радио, телевидения, газет,— в этом задача новой рубрики, которую будут составлять очерки и репортажи очевидцев — советских и зарубежных журналистов.

Первый «Урок у карты» посвящен Африке, континенту, который на протяжении последних лет привлекал и продолжает привлекать к себе внимание всего мира.

С чувством глубокой солидарности относятся к борьбе народов Африки за национальное освобождение советские люди. Выражая их мысли, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в Поздравлении государствам и народам Африки по случаю Дня освобождения Африки 25 мая 1978 года писал: «Позиция Советского Союза в отношении освободившихся государств Африки и других континентов ясная и определенная. Наша страна делает все для развития с ними дружественного и плодотворного сотрудничества, поддерживает их борьбу за упрочение политической независимости и экономической самостоятельности, за перестройку международных экономических отношений на справедливой и равноправной основе. Мы выступаем за право каждого народа избирать свой путь развития. Советский Союз против империалистического вмешательства в дела африканских государств, против попыток сил реакции сталкивать африканские страны между собой и разжигать братоубийственные военные конфликты».

АНКЕТА „РОВЕСНИКА"

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА КОНТИНЕНТА?

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА ВАШЕЙ СТРАНЫ?

Марсель ТУАНГА, секретарь ЦК Конголезской социалистической молодежи

«Разделяй и властвуй»,— говорили колонизаторы. История завоевания Африки иностранными державами полна примеров разжигания вражды между племенами и народами. Сейчас иные времена, но задача единства, сплоченного отпора натиску Запада стоит перед нами, африканскими народами, достаточно остро. Добиться такого единства нелегко. Одни страны, как, например, Народная Республика Конго, ориентируются в своем развитии на социализм, в других насаждаются капиталистические порядки. Соответственно внутри Организации африканского единства (ОАЕ) идет диалог, временами весьма острый, между прогрессивными силами и теми, кто называет себя «умеренными» или даже «реалистами».

Поэтому в июле 1978 года вся Африка с таким вниманием следила за 15-й сессией Ассамблеи глав государств и правительств стран — членов ОАЕ. Надежды врагов Африки, которые чуть ли не отпевали эту организацию, предрекая ее развал, не оправдались — ОАЕ подтвердила свою антиимпериалистическую направленность.

Моя страна — из тех, которые занимают четкую антиимпериалистическую позицию. Народ Конго хочет построить социализм. В уставе Конголезской партии труда записано: «Теоретической основой идеологической и практической деятельности КПТ является марксизм-ленинизм».

К сожалению, мы не продвигаемся к нашей конечной цели так быстро, как хотелось бы. Республика сталкивается с саботажем повсюду: в промышленности, на транспорте, в торговле. Наши внутренние враги, реакционеры, действуют заодно с иностранным капиталом. Они не брезгуют ничем, пытаясь вызвать в стране хаос и панику, чтобы обеспечить победу контрреволюции. Так, 18 марта 1977 года был убит основатель КПТ, президент нашей республики товарищ Мариан Нгуаби. Эффект, однако, был противоположным тому, на который рассчитывали террористы: КПТ окрепла и в последующие несколько месяцев выросла численно в два с половиной раза.

Свои задачи хорошо понимают члены Конголезской социалистической молодежи. Наша организация — это опора партии, опора революции. Из нее выросли многие нынешние руководители республики. Мы с интересом изучаем опыт Ленинского комсомола, особенно его работу в те годы, когда Советская власть была еще совсем молодой.

Наши связи с ВЛКСМ тесные и братские. Мы счастливы сотрудничать с вами, молодежью страны, которая по-настоящему искренне, интернационалистски помогает нашему народу. Мы хорошо различаем, где подлинная помощь, а где скрытое вмешательство, и готовы с фактами в руках доказывать принципиальную противоположность подхода к нашим проблемам со стороны социалистических стран и держав Запада.

Бонгиве НДЖОБЕ, секретарь Пионерской секции Африканского национального конгресса (ЮАР)

Уже девять лет я живу в эмиграции с родителями, в столице Замбии Лусаке. Отец увез меня и маму из ЮАР в поисках работы. Однако дважды, в 1972 и 1976 годах, мы смогли побывать в ЮАР. Поэтому я знаю обстановку на родине не понаслышке. Очень больно было видеть, в каком ужасном положении живет мой народ. Не только нужда, выматывающий труд. Черные в ЮАР живут, будто они не люди, а существа какого-то низшего сорта... Я была совсем маленькой, семи лет, когда меня увезли из ЮАР, росла и училась в совсем иной обстановке. Попасть вдруг в разряд существ второго порядка, хотя бы и на месяц, это, знаете, было невыносимо.

Кстати, наше пребывание в ЮАР могло и затянуться не по нашей воле. Дело в том, что мой отец — активист Африканского национального конгресса. АНК же, как вам, наверное, известно, в ЮАР запрещен. В последний приезд мы обнаружили, что за каждым нашим шагом следят. Наверное, что-то заподозрили. Получается, что мне лучше не показываться больше на родине, пока порядки там не переменятся к лучшему. Однако я не отчаиваюсь. Все говорит о том, что я дождусь такого времени. От отца и его друзей я знаю, что в последние два года в ЮАР происходят такие события, которые должны привести к ослаблению, а потом и к падению нынешнего режима. Я и сама помню, как это началось в том самом 1976 году, когда я побывала в ЮАР. Я имею в виду волнения в Соуэто. Африканская молодежь тогда поняла, что, кроме пуль, она ничего не дождется от властей. С того лета не прекращается наплыв молодежи в ряды АНК. Это несмотря на смертельный риск. Думаете, их толкает безрассудное отчаяние? В первое время после расстрелов детей в Соуэто, может, и да — отчаяние, крайнее озлобление. Но прошло уже два с половиной года, а люди, молодые в основном, все идут и идут в АНК. Можно с полным правом говорить, что они идут на смертельный риск участия в подпольной работе уже сознательно. Вот что важно. Понятно, что АНК и работать стал шире, смелее. Его оружие теперь — массовые забастовки.

Меня и моих друзей очень радует и такой факт. К нашей борьбе начинает присматриваться белая молодежь. Да не просто присматриваться — даже вступать в АНК, который до сих пор считался организацией исключительно для африканцев. В нашей делегации на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов было несколько белых товарищей, членов АНК. Много людей европейского происхождения работают в рядах Южно-Африканской коммунистической партии. За ними особенно яростно охотится полиция. Аресты коммунистов не прекращаются по всей стране. Значит, идеи коммунистов, самых последовательных борцов против расизма, широко распространяются и в ЮАР. Предрассудки, которые насаждают закоренелые расисты, противны образованной молодежи. Слышали ли вы о молодой поэтессе Ингрид Йонкер? Она принадлежала к «белой элите»: ее отец — африканер-националист, один из проводников политики апартеида. Ингрид не выдержала жизни по расистским законам и покончила с собой. Она писала: «Я с теми, чья кожа темного цвета, с африканцами, стонущими от гнета». Ей словно бы ответила наша африканская поэтесса, тоже молодая, Джойс Сихакане:

...Не верю,
что белые, черные, желтые
общего не найдут языка,
не смогут шагать рядом,
не смогут сесть за один стол,
не смогут поцеловаться
и руки пожать друг другу.

Я тоже не верю. Не верю, что в ЮАР вечно будет так, как сейчас.

Эммануэль АНДЕРСОН (Гана), стажер кафедры гидравлики и гидросооружений Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

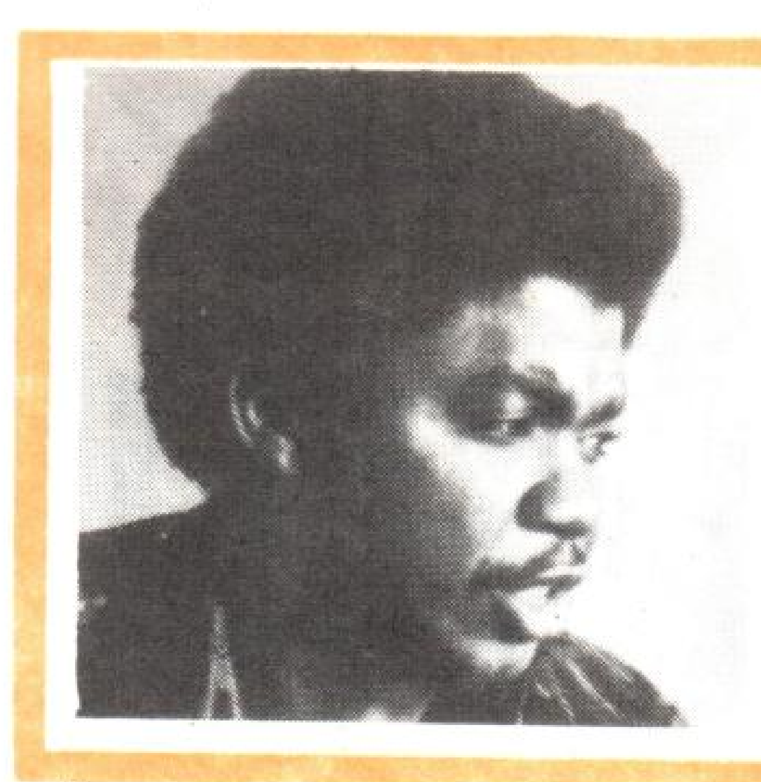
У нас есть пословица: легок груз на чужой спине. Я ее вспоминаю, когда слушаю по радио, как на Западе комментируют затруднения африканских стран. По тону как будто сокрушаются, сочувствуют: ах, какая бедная страна, надо помочь ей продовольствием. Но в подтексте, в полунамеках сквозит злорадство: ну, что дала вам эта желанная независимость? Словно бы не они, бывшие колониальные державы, оставили на наших плечах этот груз проблем: хозяйственную отсталость, изуродованную структуру развития, приспособленную к потребностям метрополий, неграмотность населения, ужасающую нищету. Но самое скверное состоит в том, что они не только не помогают африканским странам выправить ситуацию, вина за которую лежит на Западе, но намеренно делают все, чтобы не дать нам вырваться из зависимости от них.

Возьмем Гану. С чего мы начинали, когда первыми в Тропической Африке добились независимости в 1957 году? (Кстати, недаром днем провозглашения независимости было выбрано 6 марта: в этот день в 1824 году Англия начала прямые колониальные захваты на Золотом Береге, как завоеватели прозвали наши края.) Итак, с чего мы начинали при президенте Кваме Нкрума? Строили больницы и школы, ввели бесплатное обучение, возвели ГЭС на реке Вольте. При содействии Советского Союза приступили к строительству рыбного комплекса в городе Тема, учебного центра, атомного энергетического объекта в Квабени, домостроительного комбината, фабрики по очистке золота в Таркве (чтобы впредь не возить руду на очистку в Англию и Швейцарию, уже от них узнавая, сколько у нас золота). А что произошло после военного переворота 1969 года? Страну стали поворачивать вспять. Монополии Запада получили свободу рук, стройки, в которых участвовал СССР, были заморожены. «Зачем им современные дома, пусть и дальше живут в хижинах» — так, должно быть, говорили между собой западные советники, рекомендуя правительству прекратить строительство завода сборно-панельных конструкций. А теперь они «сочувственно» качают головами: медленно, мол, продвигаетесь. Это после того, как в 1972 году власть в Гане опять переменилась и государство стало брать под контроль деятельность иностранных горнорудных и лесоразрабатывающих компаний, возобновлять начатые когда-то стройки.

На примере моей страны видно, как непросто может сложиться путь молодого государства, как много зависит и от личных качеств тех, кто стоит у руля власти. В Африке еще немало стран, которые нуждаются в хорошем руководстве — таком, чтобы заботилось об интересах народа, а не об обогащении немногих.

Если по студентам нашего университета можно хоть в какой-то мере судить о настроениях африканской молодежи, то общая черта — это, пожалуй, желание как можно скорее и лучше приложить к делу полученные знания и навыки. Лично мне очень повезло: я получил специальность, о которой мечтал и которая в моей стране очень нужна. Реки в Гане капризные, изучены слабо. Прежде чем проектировать гидросооружение, надо вести длительные практические наблюдения за режимом реки. Но если смоделировать речные процессы в лаборатории, можно быстро найти нужные параметры и резко сократить сроки полевых работ. Тема моей стажировки — как раз моделирование речных процессов.

Как мне живется в Москве? Хорошо, очень привязался к городу, считаю его своим. Да и сами посудите — здесь женился, здесь год назад стал отцом. Жена, Тереза,— моя землячка. Учится в нашем университете на историко-филологическом. Ее специальность — русский язык. Тоже сможет себя применить. Русский в Гане во многих местах преподают.

Джон МБАНГО,
член ЦК
Молодежной лиги
Народной организации
Юго-Западной Африки
(СВАПО, Намибия)

Знаете, откуда пошло название моей страны? На языке коренных народов Юго-Западной Африки «намиб» означает «щит». Говорят, народы овамбо, каванго, нама, дамара надеялись, что пустыня, которая лежит вдоль побережья Атлантического океана, защитит их от врагов с моря. Поэтому они и назвали ее Намиб. Надежды их не сбылись... Страну подчинили себе германские колонизаторы, им на смену пришли в 1920 году правители британского доминиона Южно-Африканский Союз (ныне ЮАР). На глазах моего поколения независимой становилась одна африканская страна за другой. В нашу же землю белые «господа» вцепились особенно крепко. В пору моего детства о независимости можно было говорить только шепотом, с самыми надежными друзьями.

Я родился в крестьянской семье, на севере страны, в одном из десяти «бантустанов», то есть резерватов, к которым приписаны мы, черные. Остальное — самые лучшие, самые богатые земли — это «полицейская зона», в которую нам без особого разрешения и пропуска въезд воспрещен. Да и с пропуском тебя могут арестовать как «праздношатающегося», и тогда добра не жди. В лучшем случае только изобьют в участке... Как было во времена моего детства, лет двадцать назад, так все остается и сейчас. Для наших условий понятие «неоколониализм» не подходит. Колониализм. Самый настоящий. И это когда почти вся остальная Африка свободна! Я насмотрелся по горло на «порядки», при которых мои родители, весь мой народ гнут спину на белых хозяев, да еще и должны сносить унижения. Терпеть больше не было сил. Я и еще несколько моих друзей в один прекрасный день тайком ушли из деревни и удачно перешли границу.

Мы не просто сбежали, нет. К тому времени — это было пятнадцать лет назад — мы уже три года состояли в СВАПО. Нам казалось, что мы мало делаем для своего народа, и хотелось взяться за оружие. Но сначала хотели получить образование, не оставаться же недоучками, прошедшими только «банту-программу». В 1966 году ООН приняла резолюцию, лишавшую ЮАР права «управлять» Намибией. Конечно, ЮАР отказалась подчиниться, и тогда СВАПО развернула вооруженную борьбу. Мы уже освободили некоторые районы. Но воюем мы не только оружием, словом тоже. Работать нелегко. Полицейская слежка — это само собой. Но надо еще находить общий язык с людьми. «Бантустанизация» все-таки сыграла свою гнусную роль. Нам приходится иметь дело с межплеменными раздорами и предрассудками. Но успехи налицо. Шесть лет назад мы организовали мощную всеобщую забастовку рабочих овамбо. Затем, на следующий год, по призыву СВАПО состоялись демонстрации протеста в городах Ондангве, Виндхуке, Уолфиш-Бее, Ошакати. В результате практически полный бойкот выборов в местные органы власти в Овамболенде, которые ЮАР хотела представить как акт «деколонизации» Намибии. Участвовало всего два с половиной процента избирателей.

Мне нет необходимости пересказывать все события, связанные с проблемой предоставления независимости Намибии. Вы знаете о них из ежедневных газет. Сейчас, когда я даю это интервью, обстановка сложная, и предсказать, что будет через несколько месяцев, то есть в январе 1979 года, когда выйдет этот номер «Ровесника», невозможно. Напомню только, что ООН уже устанавливала однажды крайний срок прекращения оккупации Намибии — 31 августа 1976 года... В одном можно не сомневаться: мой народ не согласится ни на какую фикцию независимости. СВАПО — единственный законный представитель народа Намибии (это еще в 1973 году признала ООН), и без нее не будет действительным никакое «решение» проблемы.

Что касается остальной Африки, то она никогда не будет по-настоящему свободной, пока Юг не разделается с колониализмом.

Джасон Самуэль ОГОЛА
(Кения), студент
Университета дружбы
народов
имени Патриса Лумумбы

Оба вопроса, предложенные «Ровесником», переплетаются так, что их не оторвешь друг от друга. В самом деле, если я, житель африканской страны, рассказываю о проблемах своего народа, то многое оказывается частным примером, иллюстрацией каких-то тенденций, характерных для всей Африки. И наоборот, анализируя обстановку в масштабах континента, как правило, можешь сопоставить ее с ситуацией у себя на родине. В этом особенность Африканского континента, объясняемая общностью новой и новейшей истории населяющих его народов.

Жители любой африканской страны могут привести факты из отдаленного и совсем недавнего прошлого, характеризующие наглость и жестокость колонизаторов. Ну, скажем, как «выкраивались» границы Кении? В Восточной Африке в конце прошлого века шел торг в основном между Англией и Германией. Канцлер Бисмарк уступил королеве Великобритании Виктории кое-какие германские владения в Африке в обмен на стратегически важный остров в Балтийском море, Гельголанд. Со своей стороны, королева сделала широкий жест, «подарив» гору Килиманджаро германскому императору Вильгельму II.

Нас тогда никто не спрашивал, европейские державы кромсали, выменивали, отбивали друг у друга наши земли, руководствуясь только своими интересами. Этим безобразиям раз и навсегда положен конец почти на всем континенте, кроме Юга. Но... слышали, наверное, старую присказку английских колонизаторов: «Уходя — оставайся»? Так и случилось, остались-таки. И если в каком-то районе Африки вдруг вспыхивает конфликт (часто и вооруженный), по виду сугубо местный, межплеменной, межпартийный, межгосударственный, рано или поздно выясняется, что почти всегда виной всему иностранные «интересы». То компании не поделили между собой медные рудники и алмазные прииски в конголезской провинции Катанге (история повторяется, когда Катанга уже стала заирской провинцией Шаба), то нефтяные владения в Биафре (Нигерия), то перегрызлись между собой еще где-то. А кровь льется наша, африканская...

Они остались и в Кении, множество иностранных компаний. И их присутствие никак не помогает решению одной из главных проблем моей страны — выравниванию уровней развития различных ее частей. У нас ведь есть еще очень отсталые районы. Иностранный же капитал интересует одно — как получить максимальную прибыль.

Еще одна проблема — национальные кадры. Как и другие страны Африки, Кения в них очень нуждается. Мы говорим спасибо советскому народу, дающему нам возможность учиться, приобретать очень нужные профессии в вузах СССР. Я, например, учусь на последнем курсе инженерного факультета Университета дружбы народов, моя специальность — инженерная геология. Много дала мне общественная работа (мои земляки доверили мне руководство союзом кенийских студентов в СССР, кроме того, я член студсовета инженерного факультета). Она позволила мне шире взглянуть на вопросы подготовки кадров для народного хозяйства Кении и других африканских стран. Особенно ценно, что программы обучения иностранных студентов увязываются с нуждами и планами их стран. Для них введены специальные курсы, например, тропической медицины, тропического земледелия.

Шесть лет — большой отрезок в биографии человека. Мы приобретаем в СССР не только профессии... Меня по приезде удивляло у вас все, даже такой вроде бы пустяк, как оплата проезда в автобусе и троллейбусе самими пассажирами. Я оказался в стране, где правилом стало сочетание общественных интересов с личными. Отзывчивость, чуткость советских людей, социалистическое отношение к труду и жизни — вот что врезается нам в память за годы учебы. И это тоже очень полезный багаж опыта, который мы увозим на родину из вашей страны.

ИНТЕРЕСЫ АФРИКИ И

Африка-79. Эти две фотографии наглядно отражают полярные силы, действующие сегодня на континенте: граждане свободной Анголы, полные решимости дать отпор наемникам империализма, «цивилизованные» головорезы, все еще надеющиеся продлить свое господство.

— Сверните карту Европы и суньте ее подальше в шкаф,— заявил английский премьер-министр Уильям Питт своему секретарю после сражения при Аустерлице[1].— Она не понадобится ближайшие десять лет...

[1] *Разбив австрийские и русские войска у Аустерлица 2 декабря 1805 года и закрепив тем самым свои территориальные захваты, Наполеон перекроил карту Европы. (Примеч. ред.)*

„ИНТЕРЕСЫ В АФРИКЕ"

Виктор СИДЕНКО,
обозреватель журнала
«Новое время» — для «Ровесника»

Припомнив этот эпизод, корреспондент английской газеты «Дейли телеграф» Э. Эшкрофт писал: «То же самое сейчас можно сказать о карте Африки, составленной европейскими деятелями в XIX веке,— с той лишь разницей, что она уже не понадобится никогда».

У меня хранится пожелтевшая вырезка с этой статьей. Написана она была ни много ни мало двадцать лет назад — в 1959 году. В то время уже легко можно было предвидеть неизбежное: всего несколько месяцев отделяло мир от того момента, когда Африка совершила небывалый рывок к свободе, приведший в изумление все человечество. 1960 год вошел в историю как «год Африки». И дело было не только в том, что этот год принес независимость семнадцати африканским странам. Главное — он положил начало целой эпохе перехода континента от состояния колониальной летаргии к активной самостоятельной жизни. За каких-нибудь пятнадцать лет «континент пяти колониальных империй» — английской, французской, бельгийской, португальской и итальянской — превратился в континент 49 независимых государств. В прессе заговорили о пробуждении «африканского вулкана», о «тектонических сдвигах» в развитии континента, о «взрыве» патриотизма.

Антиколониальные революции в Африке застали врасплох тех, кто отказывался прислушиваться к подземным толчкам, сотрясавшим политическую

жизнь континента уже в 50-е годы.

Еще и сейчас Африка не избавилась от кошмара воспоминаний о колониальных временах. В тридцати километрах от столицы Народной Республики Анголы, Луанды, я побывал в музее работорговли. Это страшный памятник тех времен, когда охотники за «черной слоновой костью» — рабами — вывозили за океан невольников, труд которых обогащал плантаторов Нового Света. В Заире мне показали дом бывшего губернатора, перед которым были разбиты цветочные клумбы, обрамленные черепами африканцев. В здании городского суда в нигерийском городе Ифе я увидел деревянную скульптуру, которая наглядно выражала существо колониализма: белый плантатор на шее африканского носильщика. Сотни лет африканец нес это бремя. Во что это обошлось Африке, известно. «Если бы в течение 25 лет,— писал один историк,— на континенте непрерывно свирепствовали стихийные бедствия, урон, понесенный африканскими народами, был бы ничтожен по сравнению с «издержками» приобщения их к «цивилизации».

Колониализм ничего не дал африканским народам — он только отнимал их богатства, крал у них будущее, лишал их достоинства и веры в себя. Последствия хозяйничания колонизаторов в Африке дают о себе знать и по сей день. По свидетельству экспертов ООН, Африка южнее Сахары со своими 230 миллионами жителей и сейчас занимает первое место в «иерархии бедности». Она удерживает такие печальные рекорды: здесь самая высокая в мире смертность и самая низкая продолжительность жизни (в Верхней Вольте — 35 лет, в Мали — 37), самая высокая в мире неграмотность (80 процентов) и самые низкие доходы на душу населения. Из 29 беднейших стран мира 18 — в Африке.

Какие же факторы предопределили победу африканских патриотов над колониализмом, столько лет диктовавшим Африке свою волю? Почему стало возможным освобождение Африки?

Стремление африканских стран к политическому раскрепощению, небывалый рост антиколониальных настроений? Да, конечно. Рост политической сознательности и организованности народных масс, противостоявших колониализму? Безусловно, и это тоже. Но не следует забывать и другого важного обстоятельства. Разгром самых реакционных сил мировой империалистической системы — немецкого нацизма и японского милитаризма — во второй мировой войне привел к коренному изменению соотношения сил в мире. Силы прогресса, мира и социальной справедливости, возглавляемые Советским Союзом, окрепли, а позиции империализма оказались подорванными. Образовалась социалистическая система. Начался процесс распада колониальной системы империализма — сначала в Азии, а затем и в Африке.

«Когда до второй мировой войны,— писал французский журнал «Африк контемпорэн»,— интеллигенты Черной Африки мечтали о свободе, они обращались к Вольтеру и Руссо. Взятие Советской Армией Берлина полностью изменило это положение. Все поколение будущих глав африканских государств созревало в мире, потрясенном победами Советского Союза».

«Золотому веку» империализма в Африке пришел конец. Понадобилось совсем немного времени, чтобы подвести черту под эпохой колониального господства в Африке. Но означает ли это, что с победой антиколониальных революций в большинстве африканских стран для африканцев уже настало время «трубить отбой и свертывать знамена»? Отнюдь нет.

Корреспондент американского еженедельника «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» очень удивился, прибыв в Южно-Африканскую Республику. Оглядевшись, он сразу почувствовал себя, по его словам, «как дома». И в самом деле. Куда бы он ни поехал, ему повсюду встречались названия американских фирм и их филиалов. Он обнаружил, что в ЮАР обосновалось немало его соотечественников, в основном бизнесменов. Да и сама обстановка в «республике апартеида» очень напоминала Юг Соединенных Штатов.

Западный бизнес давно облюбовал Южную Африку. Здесь действуют более четырехсот английских и двухсот американских компаний. Капиталовложения Англии достигают пяти миллиардов долларов, США — полутора миллиардов. Что же влечет их сюда?

— Нужно быть совершеннейшим дураком,— сказал один американский бизнесмен, обосновавшийся в ЮАР, журналисту из «Юнайтед Стейтс ньюс»,— чтобы не сколотить себе капитал в ЮАР.

Другой американский делец заявил:

— Если б не апартеид, я и не подумал бы вкладывать в ЮАР деньги...

Да, именно апартеид — система расового гнета африканцев — обеспечивает западному капиталу гигантские доходы в ЮАР. Эта система фактически распространяется и на две соседние с ЮАР территории — Намибию, аннексированную расистами после второй мировой войны, и Родезию, где власть узурпировала в 1965 году клика расистов во главе со Смитом, опирающаяся на поддержку режима апартеида и империалистов.

Эти-то три страны вместе с португальскими колониями — Анголой и Мозамбиком — образовывали расистско-колониальный массив на Юге Африки, который получил название «Белой подковы».

После крушения в 1974—1975 годах португальской колониальной империи от «Белой подковы» отпали изрядные куски — Ангола и Мозамбик. Возникла обстановка, грозившая самому существованию расистских режимов, а вместе с ними и прибылям западных монополий. Освободительное движение стало быстро набирать темпы и в этом заповеднике империализма.

Судьба африканских братьев, страдающих под расистским прессом, глубоко волнует всю Африку. Президент Народно-Революционной Гвинейской Республики Секу Туре говорил, что «Африканский континент подобен человеческому телу: когда поражена одна его часть, страдает весь организм». Естественно, свободолюбивая Африка не может мириться с тем, что гангрена расизма разъедает Юг континента. Его освобождение рассматривается как первостепенная задача всех патриотов Африки. Пользующаяся поддержкой независимой Африки и ее друзей в мире антирасистская борьба на Юге континента достигла в последнее время небывалого накала: независимость уже стоит у порога Зимбабве (так называют коренные жители Родезию) и Намибии. Подъем освободительной борьбы в ЮАР, кульминационным моментом которой стали выступления учащейся молодежи в Соуэто, приближает крах режима апартеида.

В этих условиях империализм поспешил на помощь расистам. Снабжая их оружием, Запад в то же время стремится навязать патриотам Зимбабве, Намибии, ЮАР такое «урегулирование» расовой проблемы, которое фактически свелось бы к камуфляжу расизма и не затронуло бы привилегированного положения монополий. Именно к этому направлены многочисленные «дипломатические ини-

циативы», с которыми Запад выступал в минувшем году. Эти «инициативы» нисколько не мешают, а, напротив, способствуют эскалации расистского террора, делают «белое безумие расизма» еще более опасным.

Патриоты Южной Африки и их друзья хорошо понимают: зеленый свет «поезду свободы» (по выражению министра иностранных дел Танзании) на Юге Африки откроют не империалистический Запад с его политикой дипломатических интриг и потакания расистам, а африканские борцы за свободу, их решимость довести борьбу до конца.

Ликвидация расистской «Белой подковы» стала лишь вопросом времени. Но искоренением расизма задачи освободительной борьбы не исчерпываются...

У известного итальянского писателя Джанни Родари есть такая басня. «Одна марионетка из любви к свободе сбежала из театра. Но она забыла отрезать нитку, которая росла у нее из головы. И куда бы она ни попадала, всегда находился кто-нибудь, кто был готов заставить ее плясать в свое удовольствие».

Такой ниточкой, удерживавшей африканские страны под контролем империализма после достижения политической самостоятельности, послужила их экономическая и финансовая зависимость от бывших метрополий. Неравноправные экономические отношения между Западом и странами Африки, сохранение за Западом командных высот в экономике многих африканских стран делали суверенитет этих стран неполным, ущербным. А главное, они позволяли империализму продолжать сосать соки из этих стран. Вот некоторые цифры. Только американские монополии за период с 1950 по 1975 год перекачали из Африки в банки США и других капиталистических стран прибыль в 5 миллиардов 436 миллионов долларов. Между тем капиталовложения американских монополистов в африканскую экономику за этот же период не превышали 2 миллиардов 250 миллионов долларов. От монополий США не отстают английские, французские, бельгийские компании. Эта политика получила название «финансово-экономического колониализма», или «колониализма с черного хода». Интерес империализма состоит в том, чтобы удержать страны Африки в экономической зависимости.

Некоторые африканские страны пошли на поводу у этой политики. Помните страну Анчурию, описанную в романе О'Генри «Короли и капуста», эту «бакалейно-фруктовую лавочку», «пряничную республику», где янки чувствовали себя как дома? Такие псевдогосударства встречаются не только к Центральной или Латинской Америке, но и в Африке. И тут есть страны, чей национальный суверенитет превратился, как писал видный африканский публицист Франц Фаннон, в «пустую скорлупу».

Коррумпированная верхушка африканского общества в этих странах фактически состоит на содержании у западных монополий, смотрит сквозь пальцы на деятельность иностранного капитала и довольствуется тем, что взимает печально знаменитые 10 процентов с каждой сделки с западными монополиями, которые она санкционирует «именем народа». До интересов трудящихся им нет дела.

Бывший президент Центрально-Африканской Республики Давид Дако как-то признал: «Каштаны достаются только нам — тем, кто разъезжает в роскошных автомобилях, живет в прекрасных виллах, получает высокое жалованье, в то время как массы, осужденные прозябать в своих хижинах, не видят наступления часа освобождения от нищеты, ибо мы ничего для этого не делаем». Эти слова нуждаются в уточнении: каштаны достаются не только африканской элите, но в первую очередь империалистическим монополиям.

Сосредоточение на одном социальном полюсе вопиющей бедности, а на другом неслыханной по африканским меркам роскоши, катастрофическое обнищание масс на фоне безудержного обогащения элиты, наглость транснациональных корпораций, чья алчность не знает границ,— все это способствует накоплению социального недовольства в недрах африканского общества, росту сопротивления неоколониализму и обострению классовых конфликтов. В повестку дня ставится вопрос о борьбе за «вторую независимость», за экономическое и социальное освобождение.

По мере все более глубокого разочарования капиталистическим развитием, навязываемым Западом, в глазах африканцев растет притягательная сила социалистических лозунгов, а у передовых слоев общества возрастает интерес к опыту развития, накопленному социалистическими странами. Круг государств, сделавших выбор в пользу социализма, быстро расширяется.

За последние десять лет число стран социалистической ориентации выросло более чем вдвое. Сейчас к этой группе стран принадлежат Алжирская Народная Демократическая Республика, Народная Республика Ангола, Народная Республика Бенин, Народно-Революционная Гвинейская Республика, Демократическая Республика Мадагаскар, Народная Республика Мозамбик, Народная Республика Конго, Объединенная Республика Танзания, Социалистическая Эфиопия. К ним примыкает и ряд других государств, выступающих с патриотических и демократических позиций...

Есть пословица: желающего судьба ведет, нежелающего тащит. По-разному африканские страны приходят к осознанию необходимости социалистической ориентации: одни — предварительно «выварившись» в неоколониалистском котле, другие — в ходе острейшей вооруженной борьбы с колонизаторами, третьи — в результате многолетней планомерной работы передовых слоев общества, вооруженных идеями марксизма-ленинизма, среди масс. Но какими бы путями ни шли эти страны, вывод, к которому они приходят, одинаков. Президент Мозамбика Самора Машел на III съезде правящей партии ФРЕЛИМО сформулировал его так: «Капиталистического крокодила лучше убить, когда он еще не подрос».

В прошлом году автору этих строк довелось побывать в некоторых странах социалистической ориентации — Анголе, Танзании, Эфиопии. В некоторых из этих стран «крокодил капитализма» успел изрядно подрасти, но борьба против него ведется интенсивно и повсеместно. В разных странах акцент в этой борьбе делается на разные сферы развития. Если, скажем, в Анголе упор делается на преодоление разрухи, вызванной империалистической интервенцией, то в Танзании главное внимание уделяется развитию кооперативного движения, расширению системы просвещения.

Особенно глубокие преобразования осуществляет Временный военный административный совет Эфиопии. «За четыре года мы успели осуществить столько, сколько не сделали феодальные владыки за три тысячи лет правления,— говорил мне 26-летний член совета, бывший мичман Тамрат Фереде, с которым я беседовал в Аддис-Абебе.— Мы осуществили самую радикальную в Африке земельную ре-

форму, отобрав землю у помещиков и дав ее крестьянам, национализировали ведущие отрасли промышленности, поставив их на службу интересам народа. Только при революционной власти трудящийся человек почувствовал себя хозяином страны: он получил возможность участвовать в решении как местных, так и общегосударственных вопросов. Мы дали ему оружие, чтобы он смог защищать революционную власть».

Нет сомнения, что баланс в пользу социализма в Африке был бы еще более весомым и убедительным, если бы не воздействие внешних империалистических сил, заинтересованных в укреплении реакционных режимов. Империалисты прилагают немало усилий, чтобы дискредитировать прогрессивные режимы в Африке, расшатать, дестабилизировать положение в них. Не раз эти страны становились объектом прямой агрессии и подрывных действий. Но бдительность и самоотверженность патриотов, их готовность к защите революционных завоеваний, поддержка друзей помогли им выстоять. Так, опираясь на помощь Советского Союза и социалистической Кубы, патриоты Анголы смогли отразить совместный натиск империалистических сил Запада, южноафриканской военщины и раскольнических группировок ФНЛА, УНИТА, ФЛЕК. Поддержка социалистических стран сыграла важную роль и в отражении Эфиопией агрессии сомалийских экспансионистов, опиравшихся на помощь Запада, и маоистов.

Крепнущая дружба Советского Союза с независимой Африкой стала фактором, способствующим прогрессу африканских народов. Именно поэтому против нее ополчилась империалистическая реакция. Поднимая шумиху о мнимой советской политической, военной и экономической «экспансии» в Африке, империализм стремится отвлечь внимание международной и африканской общественности от усиливающегося вмешательства западных держав во внутренние дела независимых государств Африки. Расчет империалистических стратегов очевиден: подорвать доверие африканских народов к Советскому Союзу, лишить их опоры в борьбе против империализма.

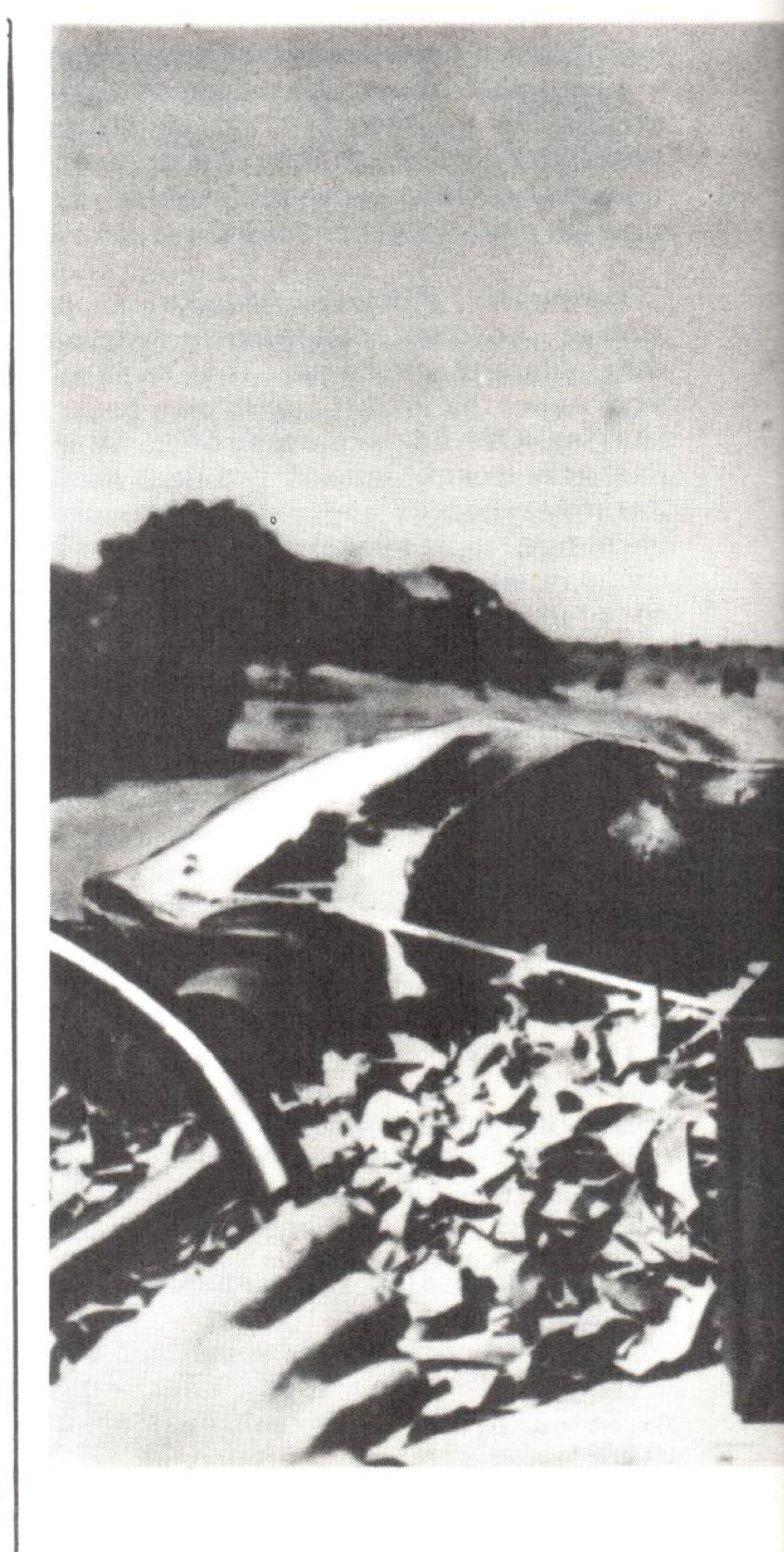
Но угар антисоветизма и антикоммунизма не действует на передовые круги Африки. И легко понять почему. Африканцы уже не раз имели возможность убедиться в чистоте помыслов Советского Союза, в благородстве внешнеполитических целей социалистических стран. В Африке хорошо знают: политика Советского Союза и других социалистических государств свободна от элементов своекорыстия, надменности, диктата, они не охотятся за концессиями, не домогаются политического господства, военных баз, не вмешиваются во внутренние дела африканских стран.

Но политике Советского Союза и других социалистических стран несвойственно и безразличие к судьбам африканских народов. Ведь еще В. И. Ленин говорил, что «социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций». А разве африканцы не продолжают подвергаться безжалостному угнетению и унижению? Разве не топчет их достоинство расизм? Разве не грабят их монополии? Не покушаются на их суверенитет империалистические страны? В таких условиях оставить Африку без поддержки друзей — значит фактически отдать ее на растерзание империализму.

Советский Союз, который всегда выступал и выступает на стороне сил национального освобождения, социального прогресса и демократии, пойти на это не может. Напротив, он прилагает все усилия для того, чтобы способствовать освобождению народов Африки от расистско-колониального гнета, защите суверенитета и территориальной целостности государств от посягательств извне, помочь экономическому и культурному раскрепощению континента.

О масштабах сотрудничества СССР со странами Африки только в области экономики дают представление такие данные. По состоянию на июль 1976 года соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве были заключены Советским Союзом с 30 странами Африки. В них при содействии СССР сооружается или сооружено 378 промышленных предприятий и других объектов. Главная цель советско-африканского сотрудничества — ликвидация отсталости Африки, курс на развитие многоотраслевой национальной экономики, на подъем культуры, а характерные его черты — отсутствие каких-либо условий, ущемляющих независимость африканских стран, взаимовыгодность.

При всем своеобразии и пестроте обстановки в Африке одно несомненно: в основе событий, происходящих на этом континенте,— нарастающее противоборство между интересами африканских народов, стремящихся к лучшему будущему, и интересами империализма, продиктованными корыстью и ненавистью. В столкновении этих интересов все явственнее определяется перевес народов Африки, опирающихся на поддержку сил мира, прогресса и сотрудничества, которые возглавляет Советский Союз.

Черный континент рассматривается монополиями и действующими в их интересах правительствами Запада как выгодный источник прибылей и сырьевых материалов. Подсчитано, что средняя норма прибыли на инвестиции в Африке в полтора раза выше, чем по всему капиталистическому миру. Сумма ежегодных доходов только американских компаний от операций на Африканском континенте составляет не менее 1,5 миллиарда долларов, что в десять раз превышает «помощь» США африканским странам. Доля Африки в общем импорте важнейших видов сырья Англии, Франции и ФРГ составляет от 30 до 90 процентов. США — самый крупный импортер африканской нефти и природного газа; они вывозят из Африки от 40 до 100 процентов потребляемых американской промышленностью сурьмы, марганца, кобальта, колумбита, алмазов. Чтобы удержать свои позиции в Африке, империализм прибегает к широкому арсеналу средств — к политическому и экономическому шантажу, разжиганию этнических и межгосударственных конфликтов, заговорам против прогрессивных правительств и прямому вооруженному вмешательству с использованием как регулярных войск, так и банд наемников, о преступлениях которых рассказывается в публикуемом материале.

НАЕМНИКИ НА ЭКСПОРТ

Уилфред БЭРЧЕТТ, Дерек РОБЕК

Отрывки из книги «Солдаты на продажу». Лондон, 1977.
У. Бэрчетт — австралийский журналист, автор книг, разоблачавших американскую агрессию во Вьетнаме. Д. Робек — профессор юриспруденции в Тасманском университете (Новая Зеландия). Присутствовал на процессе в Луанде в июле 1976 года в качестве члена международной комиссии по расследованию преступлений наемников.

В начале мая 1976 года министерство юстиции Народной Республики Анголы предложило 50 представителям из разных стран мира встретиться в Луанде и создать международную комиссию по расследованию преступлений наемников. Цель комиссии — разоблачить зверства наемников в прошлом и сейчас, потребовать положить конец наемничеству в будущем. Членам комиссии была предоставлена возможность присутствовать на процессе над 13 английскими и американскими наемниками, который по времени совпал с ее заседаниями.

Вот какая картина предстала перед членами международной комиссии.

В конце пятидесятых годов, когда многие бывшие британские, французские и бельгийские колонии и территории обретали независимость, президент США Джон Кеннеди начал искать услужливых африканских деятелей, готовых проводить ту «африканскую политику», в которой США будут нуждаться в ближайшем будущем. Таким человеком для Анголы был выбран Холден Роберто, ныне глава раскольнической группировки ФНЛА. Таким образом, задолго до того, как Холден Роберто дал иностранным наемникам власть над жизнью и смертью своих соотечественников, он сам стал ангольским наемником № 1. 20 декабря 1975 года газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что с конца 1961 года Холден Роберто состоит платным агентом ЦРУ с жалованьем 10 тысяч долларов в год. Напомним, что именно в тот год, 4 февраля, бойцы МПЛА предприняли штурм тюрьмы в Луанде, положив начало вооруженной национально-освободительной борьбе ангольского народа против португальского колониализма. А в 1962 году Холден Роберто спешно создал свою раскольническую организацию ФНЛА.

15 ноября 1975 года У. Колби, в ту пору директор ЦРУ, признал, что США выделили более 60 миллионов долларов на интервенцию против Анголы. А западногерманский журнал «Шпигель» назвал разбой наемников в Анголе «войной за нефть и алмазы».

Как стать наемником?

...В английских газетах появилось объявление: «Заманчивые предложения работы за морем. Лидс, телефон 70-50-23». По этому номеру отвечало

агентство, поставляющее нянь для детей. Особенно настойчивые «няни» приходили лично. Их расспрашивали, затем приглашали на встречи с разными людьми. Наконец, происходила встреча с мистером Джоном Эдвардом Бэнксом. Предложения агентства «Няни для детей» были действительно заманчивы: 150 фунтов стерлингов в неделю; бесплатный билет на самолет; полное обеспечение и страхование жизни. Для безработных, которые долгие недели и месяцы безуспешно искали работу, это были сказочные условия.

Сначала им говорили о военных учебных лагерях в Анголе, потом картина стала проясняться. Ангола должна быть освобождена. Коммунисты грозят независимости Анголы. Но это совсем неопасная работа. Дело должно быть закончено до дня провозглашения независимости Анголы, намеченного на 11 ноября 1975 года.

Как выяснилось впоследствии, Бэнкс был майором ФНЛА, руководимой Холденом Роберто. Бэнкс сообщил корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс», что только за вербовку 116 британских наемников он получил 86 тысяч долларов. «Деньги на оплату наемников доставляет белый посол. Я не спрашиваю, откуда он». Но позже, 8 февраля 1976 года, Бэнкс признает, что вербовкой наемников руководил по поручению ЦРУ сотрудник посольства США в Лондоне Л. Кац. С именами Бэнкса и Каца связаны действия широко разветвленной по всей Западной Европе вербовочной организации под названием «Секьюрити Эдвайзори Сервис»[1] (САС).

...В американском штате Колорадо агентство под названием «Феникс Ассошиэйтед» дает объявление: «Срочно требуются! Люди, знакомые с военным делом. 1000 долларов в месяц получает капитан! Никаких налогов! Дорожные расходы оплачиваются. Полное бесплатное обеспечение и медицинская помощь... Ежегодно 60 дней отпуска. Страхование жизни — 20 тысяч долларов». Откликнувшиеся на объявление собираются на американском курорте Майами. Здесь и те, кто когда-то мечтал о больших деньгах за провокации против Кубы, ветераны авантюры в «Заливе свиней», и профессиональные диверсанты, отставные «зеленые береты» — все, кто уже несколько лет ждет «своего шанса» и надеется найти его в Африке.

И вот они попадают в Африку.

[1] *«Консультативная служба по вопросам безопасности».*

Что делают наемники

В программе британского телевидения 28 июня 1976 года приводилось сообщение Скотленд-Ярда о том, что сто тридцать британских наемников, воевавших в Анголе, совершили двести двадцать убийств, включая убийства «невинных граждан и дружески настроенных африканских солдат». Что касается самих наемников, то тридцать семь было убито, двадцать пропали без вести и десять угодили под суд. Все эти данные, кроме числа попавших в руки правосудия, явно приуменьшены. В той же программе вербовщик наемников Джон Бэнкс сказал: «Наши парни убили более тысячи ангольцев. Соотношение убитых составляло один к двадцати». Что касается моральной стороны вопроса и способов достижения такого «соотношения убитых», то обратимся к интервью корреспондента «Гардиан» Питера Низеванда, которое он взял, правда, в другом месте, в Ливане, у австралийца по имени Келли. Журналист, имея в виду планы фалангистов уничтожить занимаемый палестинцами район Бейрута Сабра, спросил наемника, не будет ли это чересчур дорогостоящей операцией. На что Келли ответил: «Нет, если делать это методически, здание за зданием, по обеим сторонам улицы. Взрываешь динамитом одно, переходишь к следующему. Расстреливать надо всех подряд — мужчин, женщин, детей, тогда нет проблем».

«Нет проблем»! Это и было сделано в Тель-Заатаре, по крайней мере, что касается убийства всех подряд — мужчин, женщин и детей.

Британская модель

Невыносимая жара стоит над маленьким военным лагерем у северной границы Анголы. Все спасаются в палатках от палящего солнца. Вдруг раздается громкий крик. На плацу вопит полковник Коллэн: «Рота, выходи, марш, марш!» Несколько сот британских наемников выходят из палаток. Толчея, тихая ругань, наконец каждый находит свое место в строю. На плацу стоит тишина. Проходит несколько минут. Угрожающим шепотом полковник спрашивает: «Какая свинья хотела улизнуть отсюда? Шаг вперед, проклятые скоты». Трое, четверо делают шаг вперед. Еще десять следуют их примеру. Все они чувствуют себя немного неуверенно. И вдруг один из них говорит: «Да, полковник, мы уже сыты по горло. Мы хотим домой. А здесь дрянная работа. Красные на подходе. Скоро они поджарят нас всех на сковородке».

Каждый, кто знает Коллэна, ждет, что сейчас последует один из его бешеных приступов ярости. Полковник, слегка раскачиваясь, подходит к говорившему и, прежде чем кто-либо понял, что происходит, выхватывает пистолет и разряжает его в солдата, «уставшего от войны». В это время сзади раздается голос: «О'кэй, полковник. Мы готовы». Только теперь наемники понимают, что они окружены солдатами, которые держат роту на прицеле своих автоматов. «Внимание! Всем, сделавшим шаг вперед, раздеться до трусов». Подъезжает грузовик, Коллэн приказывает 13 провинившимся садиться. Грузовик отъезжает. Все бессмысленно смотрят на облако пыли. Через несколько минут слышен автоматный стрекот.

«Так,— говорит полковник,— с этими покончено. Обещаю каждому из вас, у кого есть намерение сбежать, такой же конец». На процессе Коллэн признал, что самовольно расстрелял 14 британских наемников, объясняя это тем, что «война — это не сафари», то есть не охота ради удовольствия.

«Операция Омега»[1]

Январское утро в Котону. Над столицей Народной Республики Бенин навис туман, но в небе ни облачка. Над морем показался силуэт самолета. Служащие международного аэропорта Котону удивлены: сегодня не предусмотрено никаких прилетов. Неизвестный самолет идет на посадку, на большой скорости подруливает к зданию аэропорта, разворачивается. Кто-то из служащих аэропорта, решив, что это вынужденная посадка, подкатывает к открывшемуся люку трап. Из самолета выскакивают вооруженные автоматами люди и открывают стрельбу. Через несколько минут со служащими аэродрома покончено. Наемники оставляют несколько человек у самолета и, разделившись на три группы, отправляются в город. Среди них 20 африканцев и 80 европейцев. Через час они у цели: занимают позиции вокруг дворца президента. Первая группа размещается в зале конгрессов. Вторая устанавливает ракетометы на крыше одного из домов. Третья берет на прицел окрестности, открывающиеся ей из окон роскошного туристского отеля «Южный крест». Наемники штурмуют дворец, уничтожают охрану. Бывший кадровый офицер французской армии Жильбер Буржо, руководитель «Операции Омега», докладывает по рации своим работодателям, укрывшимся в одной из соседних стран, что все идет по плану.

Совершенно неожиданно наемники попадают под обстрел из комплекса зданий президентского дворца. Президент, которого они считали убитым, организует оборону против вероломного нападения. В 9 часов утра радиостанция «Голос революции» призывает всех жите-

[1] *Этот отрывок взят из еженедельника НБИ, выходящего в ГДР.*

лей города и весь народ Бенина встать на борьбу с агрессором. На улицах строятся баррикады. Солдаты, члены молодежных и женских организаций контролируют транспортную связь, организуют защиту важнейших зданий. Наемники в своих временных укрытиях не могут шевельнуться под огнем президентской гвардии. Здание «Южного креста» загорается от ракет. Неудавшиеся агрессоры бегут к аэропорту, бросая двух убитых, все снаряжение и боеприпасы. Как только все собрались на борту, самолет стартует. Отставший африканский наемник в ужасе смотрит на оторвавшийся от земли самолет. Подоспевшие солдаты народной армии Бенина берут его в плен.

Пленный Ба Альфа Умар дал показания, что «Операцию Омега» финансировали международные банки. Жильбер Буржо поддерживал контакты с французской и другими империалистическими секретными службами. На борту ДК-7 находились «президент» и «правительство», которые должны были прийти к власти после переворота.

Посланная Организацией Объединенных Наций комиссия для разбирательства этого дела установила, что «Народная Республика Бенин явилась объектом вооруженного нападения, состоявшегося 16.01.77 года в аэропорту Котону, которое потерпело провал. Целью вторжения было прежде всего свержение нынешнего правительства Бенина».

В марте 1977 года Совет Безопасности подготовил официальный доклад, куда были включены следующие пункты:

— большая часть убийц, прибывших в Котону, является французами или бельгийцами;

— группа интервентов в течение нескольких недель тренировалась на марокканской военной базе Бенгурир;

— группа была завербована и обучена военным советником в Габоне Жильбером Буржо, полковником французской секретной службы.

Несмотря на разоблачения Совета Безопасности ООН, переданные Франции, ничего не было предпринято против этого вопиющего нарушения французских законов. Ибо статья 85 уголовного кодекса Французской Республики гласит: «Будет наказан тюремным заключением от одного до пяти лет и штрафом от 3 тысяч до 30 тысяч франков любой, кто в мирное время будет вербовать солдат для иностранной державы на французской территории».

Встать! Суд идет!

«Я родился в культурной, приличной семье. Мой дед был очень богатым человеком, и родители давали мне все самое лучшее. Частная католическая школа, учителя на дому, гувернантка, слуги, уроки фортепьяно, школа в Германии. У меня было все, и вот что из меня вышло — бандит».

Так рассказывал о себе американский наемник Густав Грилло людям, взявшим его в плен. Он родился в Аргентине. Одиннадцатилетним мальчиком мать увезла его в США. В семнадцать лет он вступил в американскую морскую пехоту и на следующий год оказался во Вьетнаме.

К его огромному удивлению, с самого момента пленения бойцы МПЛА обращались с ним гуманно, с уважением к его человеческому достоинству. Ни один из 13 обвиняемых, представших на процессе в Луанде, не подвергался унижениям. Они все подтвердили, что к ним хорошо относились и оказали медицинскую помощь, которая спасла жизнь некоторым из них. Может быть, впервые в жизни эти люди почувствовали, что к ним относятся с естественным человеческим вниманием. Ирония ситуации состояла в том, что те самые африканцы, которых они привыкли считать неполноценными дикарями, были по-человечески много выше этих наемников из США.

Но не все подсудимые способны были это понять. Один из них, хитрый, расчетливый Герхарт, постоянно пытался обмануть судей, признавал факты, только когда был уверен, что они подтверждены документально. Он так и не понял цели этого процесса, выносившего приговор не только самому Герхарту, но всей системе наемничества.

Грилло же, очевидно, осознал, что главной задачей суда было узнать правду о тех силах, которые стояли за наемниками, понять, какие мотивы могли толкнуть человека на этот бесславный путь. Он был откровенен до конца. Было ясно, что в отличие от Герхарта Грилло решил отмежеваться от системы, в условиях которой ему, эмигранту из Латинской Америки, пришлось испытать на себе и классовую и национальную дискриминацию.

В своем заявлении, написанном от руки на испанском языке, который Грилло знал лучше английского, он рассказал об этом подробнее. «В 1970 году я вернулся из Вьетнама с рекомендательными письмами, но без всякой привычки к нормальной гражданской жизни. С большим трудом мне удалось устроиться на стройке, но денег на жизнь не хватало. В это время я спутался с гангстерами. Я знал, что большие деньги всегда связаны с каким-нибудь грязным бизнесом. Один раз кто-то «раскололся» в полиции, и я получил восемнадцать месяцев за вооруженное ограбление. Ну, тюрьма тоже была своего рода школой — школой преступлений. Когда я вышел в 1972 году, все пошло по-прежнему. Я стал телохранителем и шофером при одном гангстере и собирал «долги». Я также платил «откупные» другим гангстерам и расплачивался с нашими «долгами». Будил босса по утрам и укладывал спать вечером. Он дал мне квартиру, которая стоила 235 долларов в месяц, новую машину, оплачивал мои расходы, адвокатов и многое другое...»

Один из друзей Грилло рассказал ему о телепрограммах, посвященных наемникам. Это и определило его дальнейшую судьбу.

Приведем часть диалога подсудимого с председательствующим судьей Тексиеро да Силва, который пытался обнаружить главные мотивы действий наемников.

— Как вы расцениваете общество, в котором живете?

— Это общество чудовищно. Здесь гибнут слабые, а сильные приобретают все большее могущество. Слабые в этой безумной гонке выжить не могут. Они пытаются спрятаться от жизни с помощью наркотиков и алкоголя. Все здесь эгоисты, не думающие о других. Борьба идет не на жизнь, а на смерть.

— Какую роль во всем этом играют такие учреждения, как ФБР и ЦРУ?

— ФБР участвует в преступлениях по всей стране. ЦРУ — это организация, покупающая наемников. Оно пытается приложить руки ко всему, насколько я знаю...

— Что бы вы могли сказать о тех, кто считает, что выполнял здесь некую «гуманную» миссию?

— У меня есть поговорка: «Даже если взять два куска мыла, пены без воды не получится». Я уверен, что все они сознательно приехали сюда, чтобы воевать. Они прекрасно понимают, что такое наемник и на какую «работу» их сюда привезли. Я знаю, многие твердят, будто думали работать здесь поварами и механиками. Это ложь.

В этом месте народный обвинитель, Мануэль Руи Алвеш Монтьеро, взял допрос на себя.

— Не думаете ли вы, что вы и другие, к несчастью, оказались здесь по вине вашего общества, ваших правительств?

— Не совсем так. Вину здесь надо делить поровну. Наполовину виноваты общество и правительство, наполовину я сам. Я не политик, но некоторые вещи начинаю понимать. Наши системы отличаются друг от друга, как небо и земля. Когда я лежал в госпитале, там был часовой — пожилой человек с хорошим, добрым лицом. Он до сих пор у меня перед глазами. Он крестьянин, работал на сахарной плантации — это все, что он умел, как он мне сказал. Но он добровольцем пошел сражаться за Народную Республику Анголу. Он оставил свою семью, друзей, дом, чтобы бороться, не помышляя ни о какой плате. Он действительно заставил меня краснеть. Я почувствовал себя таким жалким, и от этого некуда было деваться. Разница между ним и мной, как между днем и ночью. Я приехал сюда из-за денег, из жадности. Такова американская система. Если у тебя есть две рубашки, ты хочешь иметь

еще двадцать. Здесь же все равны, и в этом самая большая разница. Я никогда не слышал, чтобы о наемниках говорили как о «героях». Обычно о них не очень-то хорошо отзывались. Наемник продает себя другим странам за деньги. Я никогда не смогу сказать, что горжусь тем, что был наемником. Куда там...

Что касается Герхарта, то если не сами слова, то все его поведение свидетельствовало, что он сожалеет лишь о том, что попался. Народный обвинитель зачитал объявление, помещенное Герхартом в журнале «Солдаты фортуны», о желании стать наемником. В этом же номере была напечатана длинная статья о деятельности наемников в Анголе.

— Итак, вы знали, что за война идет в Анголе?

— Нет, не знал.

— Покидая США, вы знали, что едете на войну?

— Никто мне этого не говорил.

— В вашем объявлении вы предлагали себя в качестве профессионального наемника?

— Да.

— Вы привыкли воевать?

— У нас был в Сан-Сальвадоре военный повар, который никогда в жизни не воевал.

— Но вы ведь не повар. Разве вы приехали сюда не для того, чтобы воевать? Человек, который едет воевать в чужую страну, делает это с целью защищаться или нападать?

— Наверно, и то и другое.

И так продолжалось все время. Герхарт юлил, изо всех сил пытался опровергнуть очевидные истины.

Председательствующий судья Тексиеро да Силва задал ему вопрос:

— Что привело вас в члены «Клуба диких гусей»?[1]

— В то время я следил за прессой, не только за объявлениями о найме.

— Что именно вы искали?

— Политическую информацию. Что за люди воевали, против кого они воевали. То, о чем обычно не пишут в книгах. Вообще об Африке.

— И с этим вы обратились в организацию наемников?

— Да.

— Суду кажется странным, что человек, желающий разобраться в политической ситуации какой-либо страны, приезжает туда в качестве наемника.

— Я стал наемником, чтобы, как я думал, остановить захват русскими коммунистами Анголы. Я приехал помогать народу Анголы.

[1] *Одна из организаций, занимающихся вербовкой наемников в США. (Примеч. ред.)*

Среди документов, найденных у Герхарта, было удостоверение Клуба американских парашютистов.

— Вы были гражданским или военным парашютистом?

— Да, сэр. Я был гражданским парашютистом.

К несчастью для Герхарта, на странице четвертой проспекта этой организации под заголовком «Подготовка персонала» говорится: «Мы располагаем людьми, имеющими опыт в тактических десантных операциях и общую подготовку. Через определенные промежутки времени они проходят тренировку в гражданских парашютных клубах».

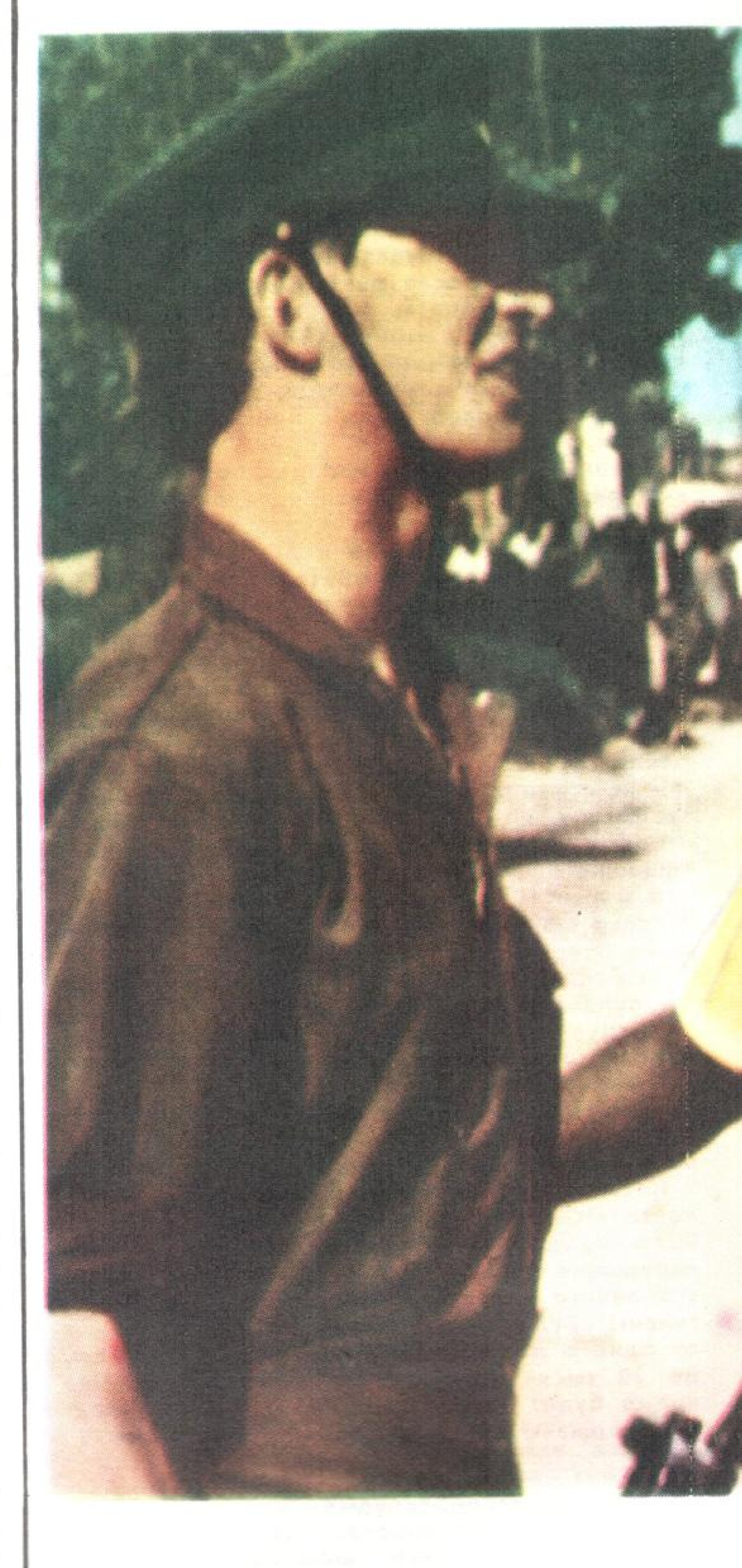
Третьим американцем, представшим перед судом, был Гарри Мартин Аккер двадцати одного года — воплощение чистого, богобоязненного американского парня. Высокий, стройный, с розовым, почти ангельским лицом. Но его невинная внешность прямо противоречила его делам.

В семнадцать лет он пытался поступить в специальные части, в самое страшное соединение американской армии — «зеленые береты». Не попав туда, он стал морским пехотинцем, которые мало чем отличаются от «зеленых беретов». В конце концов военная карьера капрала Аккера оборвалась в кабинете психиатра в 1975 году. Диагноз гласил: «шизофрения с нерезко выраженной агрессивностью».

Другими словами, если бы народные вооруженные силы Анголы послали специальный отряд с целью взять в плен представителей различных слоев больного американского общества, то лучшего выбора, чем компания Грилло, Герхарта и Аккера, они сделать не могли. Единственное, что их объединяло, была военная служба во Вьетнаме. Каждый из них нес в себе те или иные хронические болезни приходящего в упадок общества.

Суд над британскими и американскими наемниками в Луанде еще раз подтвердил, что наемничество — инструмент расистской колониальной и неоколониальной политики. И хотя в Анголе «солдаты удачи» были с позором разгромлены, а наемничество международная комиссия осудила как «военное преступление и международное предательство», вербовка профессиональных убийц для Африки продолжается. На их услуги в Родезии, ЮАР и Намибии рассчитывают те, кто хочет любой ценой сохранить расистские режимы на Юге Африки.

Перевел с английского Б. БОЛЬШУН

Последняя точка в многолетней истории борьбы народов Африки против расизма и колониализма еще не поставлена. Весь мир напряженно следит за событиями на Юге Африки, за самоотверженными действиями патриотов Зимбабве и Намибии, населения черных гетто ЮАР. Минувший год по решению сессии Генеральной Ассамблеи ООН был объявлен Международным годом борьбы против апартеида. Значение, которое народы Африки и всего мира придают исходу борьбы на Юге Африканского континента, объясняется тем, что существование расистских режимов отравляет жизнь не только населению ЮАР, Намибии и Зимбабве, но и всю международную обстановку. Именно поэтому независимая Африка считает, что ликвидация последних оплотов расизма на континенте — одно из важнейших условий свободного мирного развития всех ее народов.

Предлагаемый вашему вниманию отрывок из книги французского писателя дает представление о том, в каких условиях живет и борется африканская молодежь ЮАР.

ДЕТИ СОУЭТО

Поль БЕРНЕТЕЛЬ,
камерунский писатель

Перед началом рабочего дня главные улицы Иоганнесбурга представляют для иностранца, даже знакомого с ЮАР, необычное зрелище. Такое впечатление, будто находишься на иной планете, где жизнь подчинена загадочным и непонятным правилам.

По проезжей части катит густой поток автомобилей. В них сидят только белые, устремив вперед отрешенный взгляд. Тротуары же заполнены черными, молчание которых заставляет поеживаться. Два параллельных мира скользят бок о бок, не пересекаясь, в соответствии с раз и навсегда установленным бесчеловечным порядком. Сам воздух здесь дышит угрозой. Ее легко ощутить, заметив два случайно встретившихся взгляда — белого водителя и черного пешехода, в которых не прочтешь ничего, кроме ненависти, презрения или страха. Здесь тебя не покидает тягостное чувство столкновения с абсурдом, будто оказался жертвой какой-то зловещей мистификации.

Южная Африка — это пять миллионов белых, обладающих властью и богатством, пользующихся всеми правами, и восемнадцать миллионов чернокожих, угнетаемых, подавляемых, эксплуатируемых, выброшенных на задворки общества. Так полагается в соответствии с системой, называемой апартеидом, что означает раздельное развитие рас.

Соуэто — самый большой и самый населенный из черных городов Южной Африки. Однако на дороге, ведущей к нему из Иоганнесбурга, бесполезно искать какие-либо указатели. Как будто Соуэто вообще не существует. Не существует город, в котором спрессовано более миллиона жителей (700 тысяч, по официальным данным, не учитывающим проживающих нелегально).

Весь город, по существу, гигантская ночлежка. На грязных улицах сгруппированные по четыре в ряд или разделенные узкой полоской земли небольшие цементные или кирпичные коробки. Подобных домов здесь насчитывается около 90 тысяч.

Дом в Соуэто может арендовать далеко не каждый африканец. Женщина вообще не имеет на это права, даже после смерти мужа. Правом на аренду обладает только мужчина при условии: если ему больше 21 года, если он имеет работу в административном секторе, к которому примыкает его тауншип (для Соуэто это Иоганнесбург), если он является главой семьи и если официально зарегистрирован как «проживающий легально». Чтобы обладать подобным статусом в городском районе, нужно либо родиться и прожить здесь без перерыва до совершеннолетия, либо работать у одного хозяина более десяти лет, либо прожить на этом месте без перерыва пятнадцать лет.

Все эти данные заносятся в «пропуск» (документ, который должен иметь при себе каждый черный южноафриканский гражданин, достигший 16 лет) согласно разделу десятому «Туземного законодательного акта». Те, кто не отвечает этим условиям, могут проживать лишь в общежитиях для «иммигрантов» из бантустанов. В настоящее время уроженцу других мест «легализоваться» в Соуэто практически невозможно. Длительность контракта для рабочих из бантустанов не превышает года. Ежегодно контракт возобновляется, но уже после формального разрыва, что не дает возможности выполнить условия «десятого раздела».

Проблема права на жительство — причина неразрешимых трудностей и тяжелых драм. Чтобы убедиться в этом, достаточно провести полдня в одном из отделений белой либеральной женской организации «Черные шали», которая бесплатно дает африканцам юридические консультации. Вот несколько случаев, с которыми

Отрывки из одноименной книги. Париж, издательство «Сток», 1977.

«Черные шали» столкнулись в 1976 году.

Джордж легально проживает в Соуэто. Он родился здесь 37 лет назад и никуда не выезжал. Его жена родом из бантустана Квазулу работает и живет в Рандбурге, соседнем городе. Их дети живут в Квазулу у бабушки, поскольку мать не может ни держать их при себе — прислуге запрещается иметь детей, ни, будучи женщиной, арендовать дом в пригороде Рандбурга. Объединить семью, следовательно, невозможно. Джордж, легально проживающий в Соуэто и работающий в Иоганнесбурге, не имеет права жить в Рандбурге, а его жена не может проживать в Соуэто.

Мабилице работал без перерыва в Иоганнесбурге с 1954 по 1974 год. Затем его хозяин перевел свой завод в Герминстаун, и Мабилице был вынужден переехать туда же. В 1975 году его уволили, поставив в безвыходное положение. Он не может жить в Герминстауне, не будучи более там «легальным», но не может и вернуться в Иоганнесбург, поскольку перерыв оказался более чем шестимесячным и, таким образом, перечеркнул весь двадцатилетний трудовой стаж Мабилице. В таком же положении находится половина всех черных, работающих в белых городских зонах.

Когда белые южноафриканцы говорят о чернокожих, поражаешься их спокойному, глубокому, как бы врожденному презрению. Для белого обывателя африканец — существо низшего порядка, которое не способно иметь равные с белыми запросы. Отсюда вывод, что принимаемые в отношении африканцев дискриминационные меры не являются несправедливыми. «Я убежден, что 75 процентов обитателей бантустанов довольны своим образом жизни»,— утверждает бизнесмен из Дурбана. Он, конечно, сознает, что трудности все время растут, но добавляет: «Виной тому международный коммунизм».

«Мы и так их уже достаточно избаловали,— возмущается белый железнодорожник.— Только страх и может держать их в спокойствии».

Уже в пятнадцать лет юноши, а иногда и девушки из бантустанов приходят на биржу труда, к которой приписана их деревня. Дело это нелегкое — они вынуждены проделывать многие километры пешком, чтобы отмечаться в очереди. Агент-вербовщик записывает их как «ищущих работу» и предоставляет или не предоставляет ее в зависимости от имеющихся у него под рукой вакансий и от того, какое мнение сложилось у него за эти несколько минут о будущем работнике. Если последний щупловат на вид, если он чересчур смышлен или держится независимо, задает неподходящие вопросы о зарплате, короче, если в нем есть хоть малейший намек на бунтарскую натуру, то он возвращается домой не солоно хлебавши и будет пытать счастье в следующий приезд. Что касается принятых, то они не имеют права выбирать себе место работы. За редким исключением все они становятся сельскохозяйственными рабочими. Отобранные кандидаты подписывают контракт сроком на год.

Закон обязывает нанимателя выплачивать работнику ежемесячно наличными не менее... одного ранда (1 ранд — 1,15 американского доллара). Таким образом, с юридической точки зрения все в порядке: различие между рабочим и рабом соблюдено, ведь в ЮАР, как всем известно, рабов нет.

Жители бантустанов, занятые в белых сельских зонах, работают, однако, в условиях, ничем не отличающихся от рабских. Они теснятся в дощатых или жестяных бараках, лишенных самых элементарных человеческих удобств. В их контракте ничего не сказано ни о длительности рабочего дня, ни об условиях труда, которые целиком зависят от воли хозяина.

В бантустанах царит ужасающая нищета. 80 тысяч южноафриканских детей ежегодно умирают от недоедания. Согласно результатам исследований, опубликованным в газете «Стар» в 1970 году, в Транскее 40 процентов детей умирало, не дожив до десятилетнего возраста. Число детей, страдающих от недоедания, оценивается в один миллион. В бантустанах свирепствуют жестокие болезни, вызванные недоеданием. В числе других сильно распространенных болезней — рахит (недостаток витамина Д), бери-бери (авитаминоз В), гастроэнтерит и алиментарная анемия.

Разрыв семей и детский голод связаны между собой. По данным организации «Черные шали», 60 процентов детей, страдающих от недоедания,— это дети, чья мать была вынуждена «эмигрировать» в белую зону, а отец либо умер, либо мало зарабатывает. Дети живут под присмотром бабки, тетки или других родственников.

Трагизм этого положения можно увидеть на примере округа Нгуту в бантустане Квазулу. Сельское хозяйство здесь может прокормить всего тысяч тринадцать. Но уже в 1973 году местное население насчитывало 86 тысяч человек, а к 1980 году оно возрастет до 120 тысяч в результате проводимого властями насильственного «возвращения» африканцев в бантустаны. Почти все мужчины Нгуту вынуждены «эмигрировать», чтобы дать своим семьям возможность выжить. Последние получают от своих «эмигрантов» в среднем 9,9 ранда в месяц. Треть семей Нгуту имеет лишь эти 9,9 ранда, на которые нередко кормятся десять-двенадцать человек.

Нгуту не единичный случай. В округе Димбаза (Транскей) 60 процентов смертей вызвано недоеданием или связанными с ним болезнями. Бантустанизация, высшее проявление политики раздельного развития рас, или апартеида, осуществляемая под вывеской предоставления африканцам автономии (а то и «независимости»), узаконивает грабеж, обман и нищету, изощренное угнетение и эксплуатацию.

Сегодня, когда молодой африканец получает свой «пропуск» или «справку», он находит в нем графу, которой не было в документе его родителей. Завтра ему предложат проставить в этой графе свое «гражданство». Какое? Разве он не южноафриканец? Он был им всегда. Однако, когда в действие вступит дьявольский план, разработанный режимом апартеида, африканец автоматически лишится гражданства ЮАР. Конечная цель этого плана — превратить все чернокожее население страны в рабочих-иммигрантов, приписанных к тому или иному бантустану, возведенному режимом Претории с помощью нескольких потомственных, тщательно отобранных и щедро оплачиваемых вождей в ранг «самостоятельного государства». Речь идет о надувательстве, которое, как рассчитывают расисты, позволит им одним махом покончить с проблемой предоставления африканцам политических прав, поскольку последние не будут считаться гражданами ЮАР.

В июле 1970 года по возвращении из поездки по Европе, во время которой послы ЮАР сообщили ему, что позиция Претории становится все более уязвимой перед лицом мирового общественного мнения, бывший тогда премьер-министром Форстер заявил, что любой бантустан, который этого пожелает, может обратиться с просьбой о предоставлении ему «независимости». В том же году был утвержден «Банту хоумленд ситизен экт», согласно которому все чернокожее население ЮАР должно в будущем принять гражданство одного из бантустанов. Годом позже был принят «Банту хоумленд конститьюшн экт», обязывающий правительство образовать в бантустанах законодательные собрания. В марте 1975 года с образованием бантустанов Свази и Ндебеле их число дошло до 10.

За этим шедевром расистского изобретательства скрывается мрачная действительность. Нищие перенаселенные резервации, лишенные ресурсов, не имеют ни единого шанса обрести когда-либо экономическую независимость. Завтра, как и вчера, их роль — служить резервуаром дешевой рабочей силы, предназначенной обогащать режим белого меньшинства. Форстер так и говорил: «Мы нуждаемся в них (африканцах), потому что они работают на нас. Но тот факт, что они это делают, не дает им никаких оснований добиваться политических прав».

16 июня 1976 года. Десять тысяч черных школьников шествуют по улицам Соуэто. С плакатами в руках они колоннами идут к стадиону Орландо, крупнейшему спортивному сооружению Соуэто. Цель — провести митинг. На плакатах надписи: «Мы не буры! Да здравствует Азания!» (Южная Африка на языке банту). Демонстранты с воодушевлением поют гимн Африканского национального конгресса[1].

Но митингу не суждено состояться. На пути демонстрантов три сотни вооруженных до зубов полицейских. Школьники решают идти к лицею, расположенному на близлежащем холме. Поздно. Полицейские, окружившие демонстрантов, переходят в атаку. В толпе, вызывая панику, разрывается граната со слезоточивым газом. Офицер полиции в приступе ярости или с провокационной целью выхватывает пистолет и стреляет. Не в воздух, а прямо перед собой. В детей. Один мальчишка падает как подкошенный. Изо рта на землю льется струйка крови. Кто-то из журналистов подбегает к агонизирующему телу, подхватывает его и, уложив в свою машину, устремляется к ближайшей клинике. Но Гектору Петерсону помочь уже нельзя. Он стал первым мучеником, первой жертвой трагических событий, в результате которых, по официальным данным, за три месяца в ЮАР погибло более трехсот человек.

Гектору Петерсону было тринадцать лет. Полиция подняла оружие именно против детей. Против детей, потребовавших изменения школьных программ, превращенных системой апартеида в орудие сохранения расистских порядков. Но такова неумолимая логика борьбы: протесты школьников обернулись в мощное движение за гражданские права, против которого сегодня бессильны любые репрессии.

Первое следствие убийства Гектора Петерсона — взрыв справедливого гнева. Учащиеся Соуэто атакуют камнями полицейских, превращают в факелы автомобили, строят баррикады, поджигают общественные здания, ставшие для них символом апартеида, особенно полицейские участки. Население города охватывает всеобщая и безграничная ярость. К учащимся присоединяются другие жители, в первую очередь бесчисленные молодые безработные Соуэто. Демонстрация перерастает в открытое восстание.

Полиция противопоставляет восставшим хладнокровную, жестокую, хорошо отработанную тактику подавления с помощью специальных подразделений, использующих танки и натасканных собак. Весь район блокирован. Над городом патрулируют армейские вертолеты «Алуэт». Они сбрасывают гранаты со слезоточивым газом. Люди в шлемах с жестокой расчетливостью стреляют прямо в толпу. «Стрелять в воздух бесполезно»,— скажет потом один из полицейских офицеров. А министр юстиции, полиции и тюрем ЮАР Джимми Крюгер цинично добавит: «Бунтовщики должны знать, что, когда полицейский вынимает оружие, единственное, что им следует делать, это уносить ноги, и как можно быстрее».

Александра — второй по величине тауншип Иоганнесбурга. Только он расположен в окружении белых кварталов. Белые цепенеют от ужаса, что восставшие совсем рядом. Власти решают перекрыть проспект Луиса Боты, пересекающий Александру и ряд белых кварталов. С этого момента любой водитель-африканец, превысивший установленную скорость при приближении к пропускному пункту, расстреливается на месте.

В Александре полиция открывает огонь — несколько десятков убитых, в том числе двенадцатилетний ребенок.

С 16 по 18 июля 1976 года, по данным полиции, 128 человек было убито, 1112 ранено и 894 арестовано. Цифры эти далеки от действительности. По мнению больничного персонала, даже по самым скромным подсчетам, они занижены вдвое. Министр юстиции Крюгер имеет все основания поздравить своих подопечных с «отличной работой». Кажется, восстание подавлено. Но 4 августа Соуэто вновь становится ареной кровавых столкновений.

20 тысяч школьников Соуэто направляются в Иоганнесбург на площадь Джона Форстера, чтобы вручить петицию чинам расположенного на ней главного полицейского управления. В колонне одни дети, за ними следуют матери с флягами с водой на тот случай, если понадобится промыть глаза от слезоточивого газа. Под пение национальных гимнов шествие на протяжении двух километров мирно движется по главной улице Соуэто. До шоссе, ведущего в Иоганнесбург, остается несколько сот метров, когда дорогу преграждают внушительный отряд полиции, танки и «джипы». «Мы не хотим вам препятствовать, но вы должны сойти на обочину, чтобы не мешать движению»,— снисходительно поясняет полицейский офицер. Демонстранты послушно подчиняются, полиция пропускает их. Однако не успевают они пройти и двухсот метров, как в них летят гранаты со слезоточивым газом. Еще метров пятьдесят демонстранты упрямо продолжают свой путь — вновь разрываются гранаты с газом. Демонстранты отступают к перекрестку, где их остановила полиция. И здесь начинается бойня. Полиция окружает колонну и открывает огонь.

И тогда в ход идет новое грозное оружие — всеобщая забастовка. 23 августа по инициативе представительного совета учащихся начинается широкое забастовочное движение. На протяжении трех дней поезда ходят на три четверти пустыми, никто не пользуется автобусами. Впервые конторы, магазины и заводы белого города узнают, что значит обходиться без труда африканцев. Забастовку поддержали 60—80 процентов рабочих. Некоторые отрасли промышленности, например швейная, полностью парализованы.

Окрыленные первым успехом, жители Соуэто проводят новую забастовку 13, 14 и 15 сентября. Если некоторые работодатели в августе продолжали как ни в чем не бывало выплачивать зарплату, делая вид, будто считают, что забастовщики действовали не по своей воле, то на этот раз они требуют принятия жестких мер. Полиция производит повальные аресты. 15 сентября, в последний день забастовки в Соуэто, начинают бастовать трудящиеся Кейптауна. На стройках и в швейной промышленности количество забастовщиков превышает 90 процентов.

За три месяца стихийные выступления переросли в подлинное национальное движение борьбы против апартеида. Один белый фермер после первых выступлений в Соуэто пренебрежительно заметил, что это движение «не продлится дольше, чем обычная засуха». На самом же деле оно настолько глубоко потрясло сами основы режима белого меньшинства, что ЮАР никогда уже не станет такой, какой она была прежде.

Перевел с французского
Н. БОРДОВСКИХ

[1] *АНК — массовая политическая организация коренного населения ЮАР, основанная в 1912 году. Действует нелегально. (Примеч. ред.)*

«ЭУЗУ!» — ЗНАЧИТ «ДАЕШЬ РЕВОЛЮЦИЮ!»

Николай БАРАТОВ,
корреспондент ТАСС — для «Ровесника»
Фото автора

На западе Африки, там, где воды Атлантического океана вдавливаются в тело континента полукружием Гвинейского залива, есть небольшая страна, чей контур на карте напоминает поднятую вверх руку с пальцами, сжатыми в крепкий массивный кулак. Это Народная Республика Бенин. В ней я прожил пять с лишним лет, отсюда уезжал на север — в жаркие присахарские страны Нигер, Чад и Верхнюю Вольту, на восток — в Нигерию и Камерун, на запад — в Того, Гану, Берег Слоновой Кости, в тогда еще партизанские леса Гвинеи-Бисау.

Я хочу сегодня рассказать о моем друге из Бенина, человеке, который открыл мне эту маленькую, но удивительно богатую красотой и мудростью страну.

Его зовут Марсель Макс Адоко, но из трех слов, составляющих его имя и фамилию, он выбрал самое короткое и представляется всегда просто Макс. Он школьный учитель, а эта профессия в Бенине не дает возможности подолгу засиживаться на одном месте. Преподавательских кадров не хватает, и министерство образования часто переводит опытных учителей — открывать новые школы, передавать опыт. Я не раз бывал у Макса в гостях, и все в разных районах, а сейчас еду к месту его последнего назначения, в деревушку Агатогбо, расположенную близ границы с Того. Как объяснил мне Макс, после Видаха, когда переедешь по дамбе через озеро Аэме, надо повернуть направо, «а там спроси любого — покажут». Забавно, но адрес Макса, где бы он ни жил, всегда кончался этими словами... Везде все знали Макса, и он знал всех.

Адрес и на этот раз оказался абсолютно точным.

— Вам нужен дом метра Адоко? — строго переспросил меня мальчишка лет четырнадцати, когда я сказал ему, что ищу Макса.— Я вам покажу.

Но Макса, как и следовало ожидать, дома не оказалось — он был в школе, и мой провожатый повел меня дальше. Метрах в двухстах я увидел на обширном песчаном пустыре навес из пальмовых листьев, под которым были установлены ряды длинных столов. На скамейках за ними сидели тридцать или сорок малышей 8—10 лет. Макс писал задание на доске и заметил меня, только когда его ученики разом встали, приветствуя гостя. Мы поздоровались. Макс был все такой же: высокий, стройный, улыбчивый.

— Дети,— сказал он,— это мой друг, Он приехал из Советского Союза. В его стране тоже произошла революция, но только гораздо раньше, чем у нас. Там все люди равны, нет голодных и бедных и все дети могут учиться. На следующий год вы начнете изучать географию, и я вам много

В большинстве стран Африки, хотя и с разной степенью последовательности и решимости, развертывается борьба за «вторую независимость», то есть за экономическую самостоятельность, без которой молодые государства не могут осуществить провозглашенные ими цели национального возрождения и социального прогресса. Все больше африканских стран в поисках решений трудных проблем, доставшихся им от колониального прошлого, обращается к плодотворному опыту развития, накопленному в социалистических странах, избирают социализм своим ориентиром. Именно в этих странах — в Алжире, Гвинее, Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Конго, Мадагаскаре и других — наиболее успешно решается аграрная проблема, идет кооперирование в деревне, набирает силу государственный сектор в промышленности, осуществляются социальные преобразования в интересах трудящихся. К этим странам относится и Бенин, о людях которого рассказывается в очерке корреспондента ТАСС.

расскажу интересного о Советском Союзе.

Я пробыл в классе Макса до конца занятий. Дети, стуча мелками по черным дощечкам, писали новые слова, решали задачки, отвечали на вопросы учителя, пели хором песни. Потом был час труда, и они плели из пальмовых листьев изгородь для школы, чтобы порывы ветра не забрасывали песок под навес. Оказалось, что все в школе, начиная от навеса до классной доски, сделано руками учеников и их родителей. Есть у школьников и свой участок земли, где они выращивают маниоку и овощи. Но главное трудовое занятие школьного кооператива — так называются небольшие ученические хозяйства, созданные при всех школах,— это рыбная ловля. Ведь Агатогбо расположена на берегу озера, и все население деревни — рыбаки.

— Здесь мне туго пришлось,— смеется Макс.— На школьном поле я могу кое-чему научить — все-таки из крестьян, а вот рыбной ловле самому учиться приходится. Я с севера, у нас там ни одной реки ближе чем за сто километров не было, а здесь ребятишки в семь лет уже умеют ловить крабов и обращаться с небольшой сетью, а старшеклассники — профессиональные рыбаки.

Узнав, что я приехал только на один день, Макс укоризненно покачал головой и, не теряя времени, начал составлять мне «программу».

— Сейчас перекусим, зайдем кое к кому, потом съездим в Видах. А вечером вернемся сюда, ко мне должны прийти мои коллеги, посидим, поболтаем. Идет?

По такой прямо-таки сакраментальной «программе» проходили все мои приезды к Максу. В Африке первое правило приема гостя звучит примерно как известное присловье из русских народных сказок: «Ты сначала доброго молодца напои, накорми, а потом и расспрашивай». Второе непременное правило — гостя надо показать старейшинам и другой местной власти, соседям и друзьям. Поначалу меня злили эти протокольные визиты, которые я считал бесполезной тратой времени. Но потом понял, что в деревенской замкнутой общине это просто необходимо. Люди хотят знать, кто ты и с чем пришел, тем более что белый цвет кожи не лучший пропуск в африканскую деревню, где для многих он ассоциируется прежде всего с колониальным прошлым. Помню, мне было всегда не по себе, когда Макс, представляя меня, обязательно добавлял: «Он революционер!» Очень высокое это слово... Но я зря особо краснел. Просто для бенинского крестьянина слово «революционер» стало в последние годы синонимом слов «друг, хороший человек». И я думаю, в этом главная заслуга Военно-революционного правительства.

Когда 26 октября 1972 года произошел очередной и, как это обычно бывало в Бенине, бескровный государственный переворот, в результате которого к власти пришли молодые офицеры, крестьянская страна встретила известие об этом с полнейшим равнодушием. Еще бы — с 1960 года за 12 лет независимости пятый переворот, а какая по счету правительственная перестройка, и сказать трудно. Не все ли, мол, равно, кто будет сидеть в роскошном президентском дворце, в который сброшенный президент Мага вогнал весь государственный бюджет и который до сих пор называется в народе «глупость Маги». Все, мол, будет по-старому: реки шампанского, «мерседесы» и виллы во Франции для президентов, жизнь впроголодь и почти первобытная отсталость для крестьян.

Но нет, в стране что-то стало меняться... Неграмотным крестьянам мало что говорили слова «революция», «национализация», «аграрная реформа», но когда за ними стали вырисовываться вполне осязаемые вещи: гарантированные цены на продукты крестьянского труда и товары первой необходимости, новый колодец в деревне, место в школе (к тому же бесплатное) для ребенка,— крестьяне поняли, что новая власть не только новые слова, но и дела. И два года спустя после прихода к власти Военно-революционного правительства и в деревне и в городе мне приходилось слышать такие слова: «В 1972 году был последний бескровный переворот. Теперь кровь будет, потому что, если кто-нибудь тронет новую власть, мы будем ее защищать». Это не были пустые слова — тому доказательство — разгром наемников, попытавшихся вторгнуться в Бенин в январе 1977 года.

У народностей, населяющих Бенин, не было понятия «революция». Теперь оно есть: слово «эузу», означающее на одном из местных языков «необходимо все изменить», или, по-нашему, «даешь революцию». «Эузу!» — говорят бенинцы друг другу при встрече.

Так поздоровался со мной и Коджо Акполу, заместитель мэра Агатогбо, к которому меня привел с визитом вежливости Макс. Я уже встречался с мэром, молодым расторопным парнем, но сейчас при встрече с его заместителем мне сразу стало ясно, кто в деревне подлинный представитель власти. Внешне Коджо Акполу мало отличается от большинства местных рыбаков — такой же коренастый, с сильными длинными руками, в вылинявших шортах и темной цветной рубахе, в сандалиях на босу ногу. Но по манере сосредоточенно и внимательно слушать собеседника и отвечать коротко, без лишней мимики и жестов чувствуется, что этот человек пользуется у односельчан большим авторитетом, и не только как опытный рыбак.

Все в доме Коджо, расположенном, как и все рыбацкие хижины, на самом берегу озера, говорило о профессии хозяина: и сложенные в углу верши, и неистребимый запах копченой рыбы. Даже тряпка, о которую мы вытерли ноги перед входом в дом, оказалась куском старой рыбачьей сети. Понятно, что и разговор наш с хозяином не мог не коснуться рыбной ловли — главного промысла жителей Агатогбо.

Коджо рассказал мне об интересной форме кооперации, существующей в их рыбацкой общине. Озеро Аэме сильно обмелело в последние годы, рыбы стало меньше, и рыбакам стало не под силу работать в одиночку. Тогда они решили объединиться в своеобразную артель. Теперь дневной улов всей артели по очереди отдается каждому из ее членов. Таким образом, периодически каждый рыбак получает от артели значительную сумму, вырученную от продажи улова, и может не только содержать свою семью, но и купить что-нибудь необходимое для хозяйства или даже построить новый дом. Кстати, в строительстве участвует вся артель по принципу: «Сегодня ты поможешь мне, завтра я тебе».

Мы недолго задерживаемся у заместителя мэра. У него много дел, и односельчане приходят к нему со своими заботами не только в мэрию, но и домой. Вот и во время нашего разговора во дворе кто-то похлопал в ладоши — в африканской деревне это заменяет стук в дверь.

Макс рассказал мне потом: когда новая власть объявила, что во главе деревень должны стоять выборные люди, а не традиционные вожди, рыбаки хотели избрать Коджо мэром. Но оказалось, что он, как, впрочем, большинство взрослого населения деревни, не умеет ни читать, ни писать. Тогда община приняла мудрое решение: избрать мэром грамотного человека из молодых, а Коджо назначить заместителем. Теперь он с помощью Макса и своих сыновей-школьников уже одолел премудрость азбуки и письма.

Разные встречи были у меня в деревне Агатогбо. В предыдущий мой приезд Макс по моей просьбе познакомил меня с местным Бокононом — так на юге Бенина называют знахарей и колдунов. Во время многочисленных поездок по разным странам Африки мне приходилось встречаться с людьми этой профессии, но Боконон из Агатогбо меня удивил прежде всего своей молодостью — ему было лет 35, не больше. И двигался он удивительно, будто пританцовывая. Походка его чем-то напоминала скользящий широкий шаг манекенщиц на помосте. Взгляд острый, лицо живое, подвижное. Он пригласил нас в свою хижину и, по африканскому этикету, предложил калебас с водой, предварительно отпив из него сам. Благодаря Максу я знал правила игры: пригубил ради вежливости калебас, уронив сначала несколько капель на глинобитный пыльный пол,— почтить память предков этого дома. Боконон одобрительно наклонил голову и после обычных разговоров о погоде и здоровье, узнав, что мы собираемся в небольшую поездку на север, предложил погадать нам, хорошо ли пройдет дорога. Он достал небольшой стаканчик с ракушками каури и плоскими семенами каких-то растений, потряс и жестом игрока в кости высыпал содержимое стаканчика перед нами. Похоже, ракушки легли неправильно, и Боконон, пробормотав себе под нос что-то вроде «обознатушки-перепрятушки», собрал все и метнул снова. В этот раз, наверное, все было как надо, и Боконон, водя над землей рукой, как будто считая на невидимых счетах, торжественно сообщил, что все будет хорошо и мы можем спокойно отправляться в дорогу. Действительно, мы доехали без происшествий, если не считать того, что у моей машины по дороге отвалился глушитель и мы перебудили пулеметным грохотом мотора население нескольких деревень. Но в этом вряд ли можно винить Боконона...

Шутки шутками, но колдуны и знахари до недавнего времени имели вполне реальную власть в бенинской деревне. Горе отступнику, посмевшему нарушить хоть один из бесчисленных религиозных запретов или волю традиционного вождя, — его самого, а то и членов семьи ждала страшная кара. Яд — главное оружие колдунов. Удивительны накопленные ими в течение веков знания о растительном и животном мире, о свойствах трав, но слишком часто эти знания использовались во зло, а не на добро. Ведь и симпатичный Боконон из Агатогбо, получивший свое звание в наследство от отца, наверняка знает яды, способные не только быстро или медленно убить, но и вызвать слепоту, сумасшествие, упадок сил или безотчетный страх. Но теперь власти колдунов постепенно приходит конец... Правительство заявило, что не будет вмешиваться в дела религии, но пусть и колдуны и другие служители местных культов (как, впрочем, и представители христианского и мусульманского духовенства) не пытаются встать на пути прогресса или вести контрреволюционную пропаганду. Так что, похоже, Боконону и его коллегам придется со временем сменить профессию. И надо сказать, что Бенин — одно из первых государств в Западной Африке, посмевшее бросить вызов этим силам прошлого.

...Наконец визиты закончены, и мы отправляемся в Видах — третий пункт нашей «программы». Я не раз бывал в этом сонном глинобитном городке, но, как всегда, путешествуя в компании Макса, я увидел в этот приезд что-то новое. Теперь я понимаю причину — всегда и везде мы заходили к бесчисленным родственникам и друзьям Макса, я имел возможность заглянуть за безмолвные стены домов, и, таким образом, благодаря моему спутнику чужие деревни и городки вдруг населялись знакомыми конкретными людьми.

Мы долго бродили по территории старинного португальского форта XVIII века, превращенного в исторический музей. Форт одряхлел, врос в землю, глубокий ров зарос травой и кустарниками, но он по-прежнему наводит на город и на океан жерла своих ослепленных ржавчиной и песком чугунных пушек. Сколько видел этот форт... Десятки тысяч закованных в цепи и ошейники людей прошли здесь к берегу океана, к чернеющим на рейде мачтам каравелл и галионов. Это были их последние шаги по африканской земле, начало пути к скорой смерти на плантациях Северной и Южной Америки. Здесь, в Видахе, был один из крупнейших в Африке центров работорговли, и на старых картах эти места так и назывались — Невольничий берег.

Потом Макс повел меня на французское военное кладбище. На нем давно уже никого не хоронят, и оно тоже стало памятником, вернее, памятью страшного прошлого. Под его полурассыпавшимися плитами лежат искатели приключений, конкистадоры нового времени, строители колониальных империй, люди, наверное, храбрые, но так безжалостно обманутые временем. Это о таких писала в своем посвященном Киплингу стихотворении Новелла Матвеева:

Слава — слева,
Слава — справа,
Впереди
И сзади — слава,
И забытая могила — посреди...

Во многих местах, связанных с историческим прошлым страны, мы вот так побывали с Максом. Помню, когда он работал в Бохиконе, мы так же облазили Абомей — древнюю столицу королевства Данхоме. Кстати, именно оттуда произошло старое название страны — Дагомея. Когда в конце прошлого века французы с большим трудом покорили королевство Данхоме, они дали его искаженное название всем окружающим территориям. Так на картах Африки появилась Дагомея — колония, а затем, после 1960 года, независимая республика. Пришедшее в 1972 году к власти Военно-революционное правительство исправило ошибку колонизаторов, и в ноябре 1975 года была провозглашена Народная Республика Бенин, взявшая имя древней высокоразвитой цивилизации, которая в прошлом существовала в этом районе Африки.

Когда Макс учительствовал в Джугу, он лучше любого старожила показал мне этот самый древний город и торговый центр на северо-западе страны. Мы ездили выше на север, в горы Атакоры, с которыми связана еще одна славная страница прошлого — восстание 1915—1917 годов против французских колонизаторов. Три года сражались восставшие крестьяне, скотоводы, охотники против отлично вооруженного противника — луки и копья против карабинов и пулеметов. В некоторых селениях еще сохранились остатки построенных ими укреплений, в том числе в Вури, где вождь восстания Каба дал свой последний бой.

Но не только историю своей страны показывал мне Макс, но и ее настоящее. Мы побывали на маслобойном заводе в Бохиконе, где из красных, похожих на крупные финики плодов выжимают пальмовое масло — главный экспортный товар страны, в сельскохозяйственных кооперативах, в школах, где преподают его коллеги.

Во время поездок по стране Макс был просто незаменимым спутником прежде всего потому, что он в масштабах своей страны настоящий полиглот. Он хорошо знает шесть или семь местных языков, а объясниться может еще на добром десятке. Ведь в Бенине при населении примерно в три миллиона человек насчитывается около полусотни народностей, и почти каждая из них говорит на своем языке. Подобное смешение народов тоже следствие колониальных времен. Если посмотреть на карту Западной Африки, то бросается в глаза обилие прямых линий, обозначающих границы. Штык колонизаторов резал по живому, и в результате десятки народностей были разделены границами, а внутри колоний оказались насильственно объединены народы, разные по языку, культуре, религии. Так были созданы идеальные условия для осуществления одиозно известного принципа «разделяй и властвуй!». Племенная рознь была возведена колонизаторами в статус государственного устройства, а затем постоянно поддерживалась в неоколониальные времена, когда в Бенине вплоть до 1972 года у власти попеременно находились три выкормленных французами политических лидера, представлявших различные трайбалистские, то есть племенные, группировки.

Достижение национального единства стало одной из главнейших задач новой, революционной власти. Эта задача понятна широким массам. В Бенине до сих пор популярно народное предание о «сосуде Гезо». Оно рассказывает, что абомейский король Гезо, правивший королевством Данхоме в середине прошлого века, созвал как-то своих приближенных и приказал им наполнить водой глиняный сосуд, в котором были проделаны многочисленные отверстия. Все попытки были бесполезны — вода выливалась. Тогда Гезо сказал: «А теперь протяните все разом руки, заткните отверстия в сосуде и наполните его». И не случайно, когда в Бенине в 1973 году состоялся первый национальный фестиваль молодежи, его участники избрали своей эмблемой сосуд Гезо с протянутыми к нему руками. Он был изображен на фоне всего Африканского континента.

Во время поездок по Бенину именно в разговорах с молодежью особенно четко проявлялись проблемы, волнующие страну. Везде Макс знакомил меня с новыми, как правило, молодыми людьми, и это был, наверное, главный мой журналистский капитал, потому что в Африке поговорка «друзья моих друзей — мои друзья» так же реальна, как у нас в России.

Вот и в этот вечер в Агатогбо, когда мы возвратились из Видаха, в доме Макса (крохотная спальня и комната, одновременно служащая прихожей, столовой, гостиной и кабинетом) собрались его коллеги, школьные учителя. В основном это люди его возраста, немногим более тридцати, и среди них два совсем молоденьких паренька, по виду вчерашние школьники. Оказывается, в школу Макса прислали на стажировку «молодых революционных преподавателей». Так называют учителей-добровольцев из числа выпускников средних школ, которые по призыву Военно-революционного правительства и партии Народной революции Бенина отправились на два года в отдаленные деревни, чтобы работать в начальных школах. Страна стремится решить с помощью молодежи одну из главных проблем, полученных в наследство от колониальных времен,— проблему неграмотности. Конечная цель начатой кампании — сделать образование всеобщим, обязательным и бесплатным.

Эти два паренька прошли по конкурсу — желающих попасть в число «молодых революционных преподавателей» множество — и теперь перед отъездом на самостоятельную работу проходят практику в классах опытных преподавателей. Они явно робеют в присутствии более старших и больше слушают, чем говорят.

А разговор идет о самом разном. О местных деревенских и школьных делах, о завершающейся сельскохозяйственной кампании и закупочных ценах, о школьном кооперативе, о том, где достать новый учебник по истории Бенина и масляную краску, чтобы покрасить парты. О последних декретах правительства, объявленных по радио. Их интересует все, и не случайно. Бенин — молодая страна в буквальном смысле, ведь более половины ее населения составляют люди моложе восемнадцати лет. Поэтому решение любой проблемы практически невозможно без помощи молодежи. Не случайно многие члены ЦК партии Народной революции Бенина, комиссары провинций, начальники округов, директора департаментов в министерствах вышли из таких же молодых парней — интеллигентов в первом поколении.

Уже поздно, и мы с Максом выходим проводить гостей. На дворе стоит ночь, африканская светлая ночь, когда на небе больше звезд, чем темного неба, а лунные тени от деревьев отчетливы, как будто они вырезаны из черной бумаги. Деревня спит, только где-то на окраине еле слышны поющие голоса и глухой ритм барабана — у кого-то небольшой праздник. Навстречу нам попадаются несколько рыбаков, возвращающихся с ночного лова.

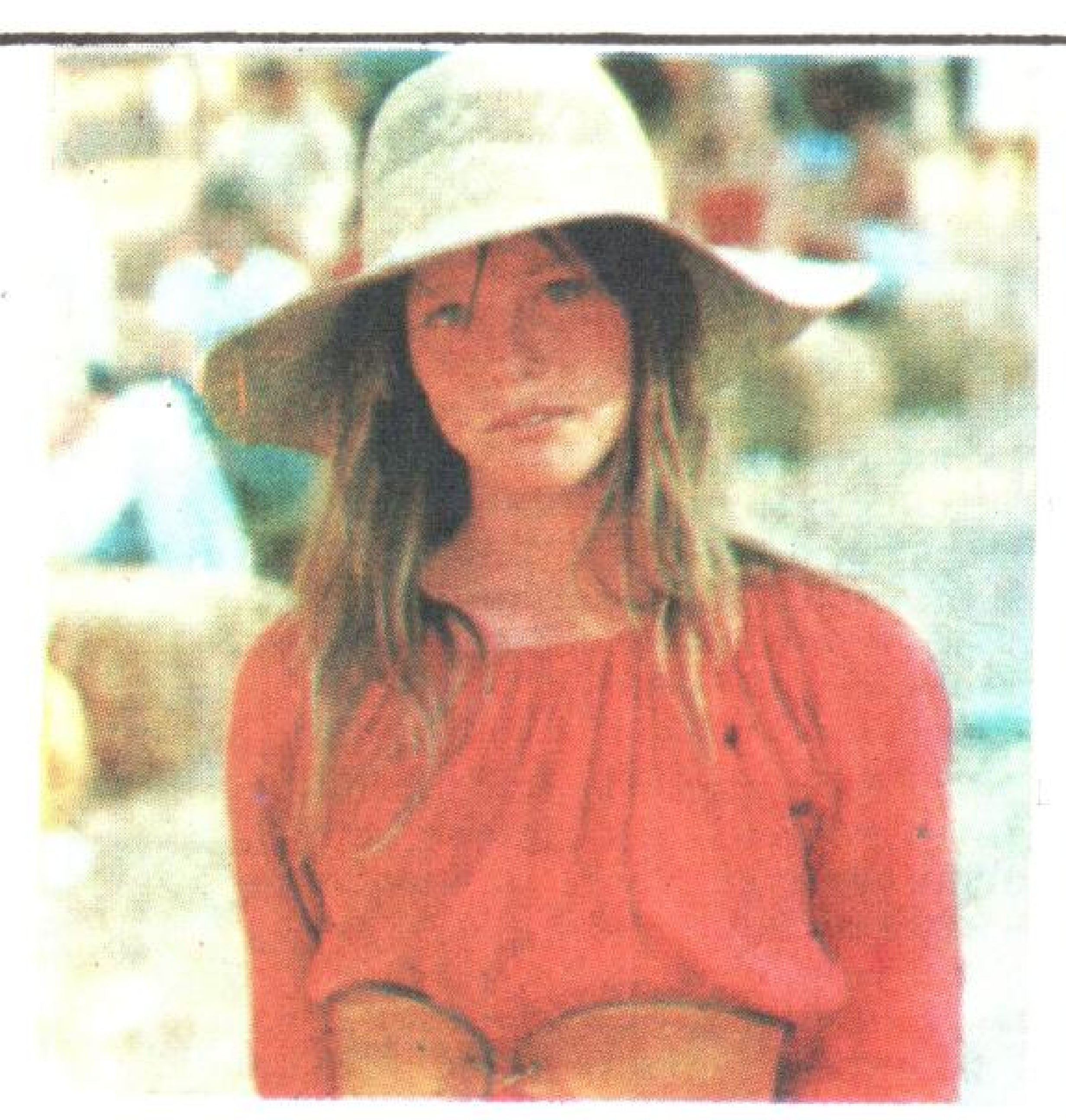
— Здравствуйте, метр, — дружно, почти как ученики в классе, приветствуют они Макса.

Один из рыбаков останавливается переговорить с учителем. Проблема обычная: сын принес плохую отметку, и отец предлагает кардинальное решение — выпороть. Чтоб знал, как бездельничать, когда государство учителя из города прислало и учит бесплатно...

Не только по школьным делам обращаются к Максу. Для крестьян он человек из города, грамотный. А значит, должен знать и уметь все: и объяснить смысл закона или правительственного декрета, и написать письмо министру — не меньше! — чтоб приструнил лавочника, продающего товары по цене, превышающей установленную государством, и узнать, где достать вакцину для прививок скоту. И то, что крестьяне идут к нему со своими заботами, говорит о том, что Макса признали, что и здесь он стал «свой».

...Прошло порядочно времени с нашей последней встречи с Максом, и, может быть, он уже уехал из Агатогбо и учительствует в другом месте. Я не знаю, где он сейчас работает, в какой части Бенина, но всякий раз, когда речь заходит об этой маленькой африканской стране, я обязательно вспоминаю Макса и его друзей. Ведь страна — это прежде всего люди, ее населяющие.

●

В ПОИСКАХ «СТАРОГО ДОБРОГО»

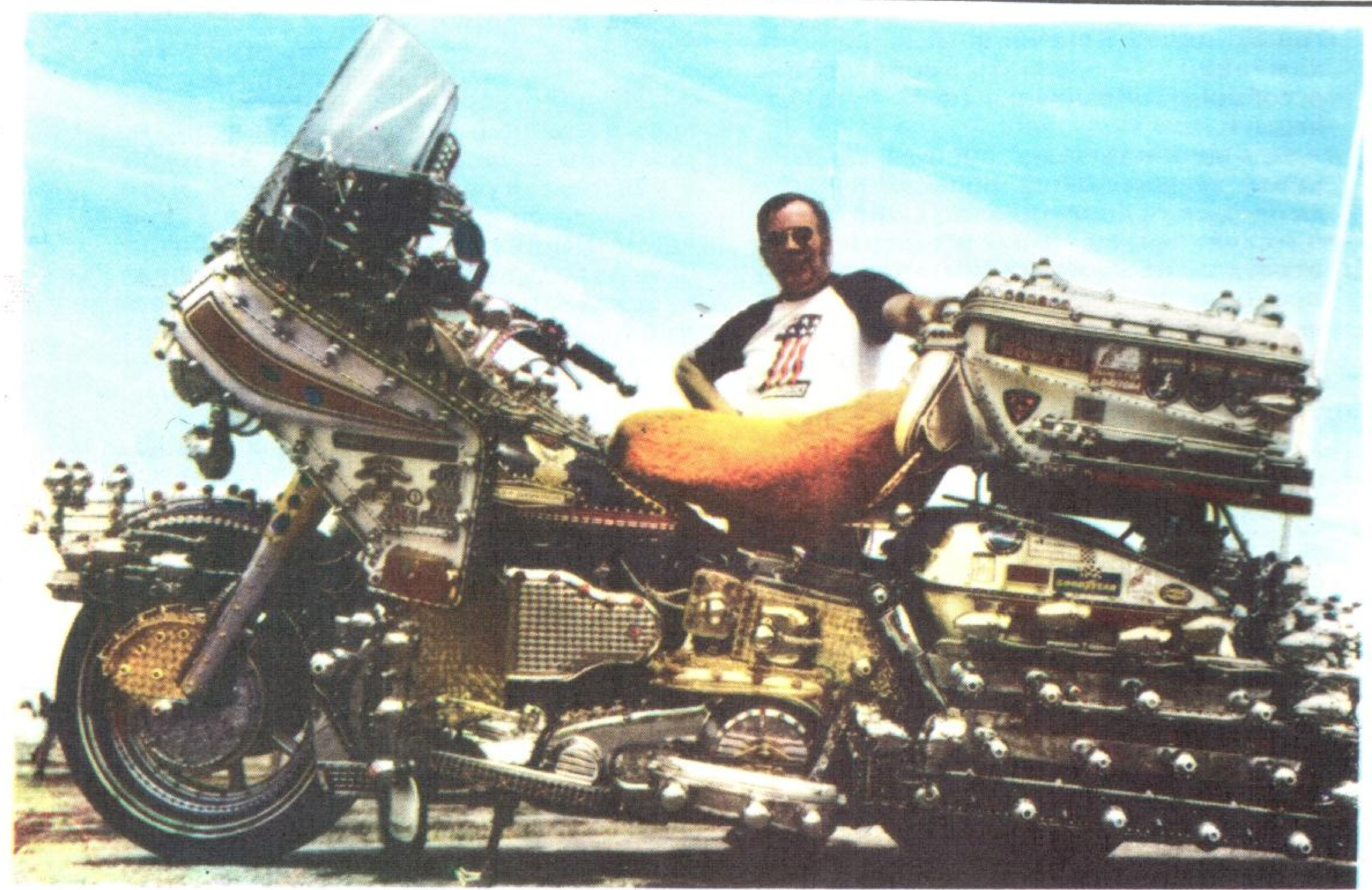
Сэры Френсисы Дрейки в компании с Гамлетами, Офелиями и толпой Робин Гудов каждый год в апреле объявляются в местечке Парамаунт-Ранч в Калифорнии для того, чтобы здесь, в Америке, вдохнуть воздух «старой доброй Англии времен Елизаветы и Шекспира». За год до этого дня 38 служащих «Центра живой истории» принимаются за подготовку будущего праздника «старомодных безумств»: отбирают ремесленников-портных, зазывал-гадалок, поваров — таких, чтобы не ударили в грязь лицом и в XVI веке, искуснейших музыкантов, оружейников, кукольников и прочее и прочее. Загодя подготавливается даже словарь языка того времени. «Мы, однако, не хотим соревноваться с Диснейлендом. Никаких механических игрушек и монстров из папье-маше. Все как четыре века назад».

Впрочем, примет времени не избежать: за фасадами елизаветинских построек заботливо укрыты 500 агентов, призванных не допустить пожаров, скандалов и краж. А сорок девять акров, приютивших «елизаветинскую Англию», окружают сорок акров цемента, приютивших автомобилизированную Америку.

ЮМОР ЧЕРНЫЙ-ПРЕЧЕРНЫЙ...

«Черный-пречерный дым закрыл небо над городом Ингольштадт и осел на снег, превратив его в черную-пречерную сажу...» Так мог бы начинаться рассказ о конце света, но это «всего лишь» история о взрыве на одном из химических предприятий ФРГ. А город жив, стоит на месте, только вот здоровых в нем стало еще меньше. Да и случай сам далеко не оригинален: по сообщению журнала «Штерн», в 1977 году произошло 11 крупных взрывов на химических предприятиях в разных городах страны. А в «доброй старой» Англии в графстве Линкольншир взлетели на воздух 18 тысяч тонн взрывчатого вещества. Последствия: 28 убитых, 100 тяжелораненых, разрушено две тысячи домов. И это не конец света! «Нет,— говорят ученые, исследующие проблемы охраны среды.— Реальность — детские игрушки по сравнению с нашими прогнозами. Например, если взорвется танкер с 30 тысячами литров фосгена (это вещество используется в химической промышленности в гораздо бо́льших количествах), то в течение получаса в зоне двух квадратных километров каждый второй житель получит смертельную дозу отравляющего вещества. Если это случится в городе со средней плотностью населения, например в Кельне, погибнет 2100 человек». «Наш воздух,— продолжает «Штерн»,— все более загрязняется вредными веществами, и, кто знает, быть может, недалек тот день, когда мы все будем ходить в противогазах, как эти французские школьники, позировавшие специально для фотографа!» Редакция «Штерна» назвала этот снимок «шуточным»...

МОТОКРАСОТЫ

Нет, идея о том, что мотоцикл не роскошь, а средство передвижения, решительно чужда мужам из местечка Дейтон-Бич в Калифорнии. Цель в ином. В том, чтобы мотоцикл достойным образом отражал лицо владельца. Для этого средство передвижения буйно разукрашивают, делая из него, по словам журнала «Штерн», «оргию в металле». Все, что может хромироваться, хромируется. Все, что можно навесить, навешивается. Все, что можно нарисовать, рисуется. Так появляются жуткие монстры, душащие блондинок на бензобаке; психоделические цветы на щитке. Все это доморощенное великолепие вывозится на набережную, где установлена предельная скорость 16 километров в час. Разъезжая черепашьим шагом на сверхмощных «харлеях», «хондах» и прочих «кавасаки», седоки ревнивым глазом следят, кто кого перещеголяет. Так в современном варианте повторяется картинка из жизни обывателей прошлых и позапрошлых поколений, совершавших обязательный ежевечерний моцион с продуктивной идеей — «людей посмотреть и себя показать».

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ.

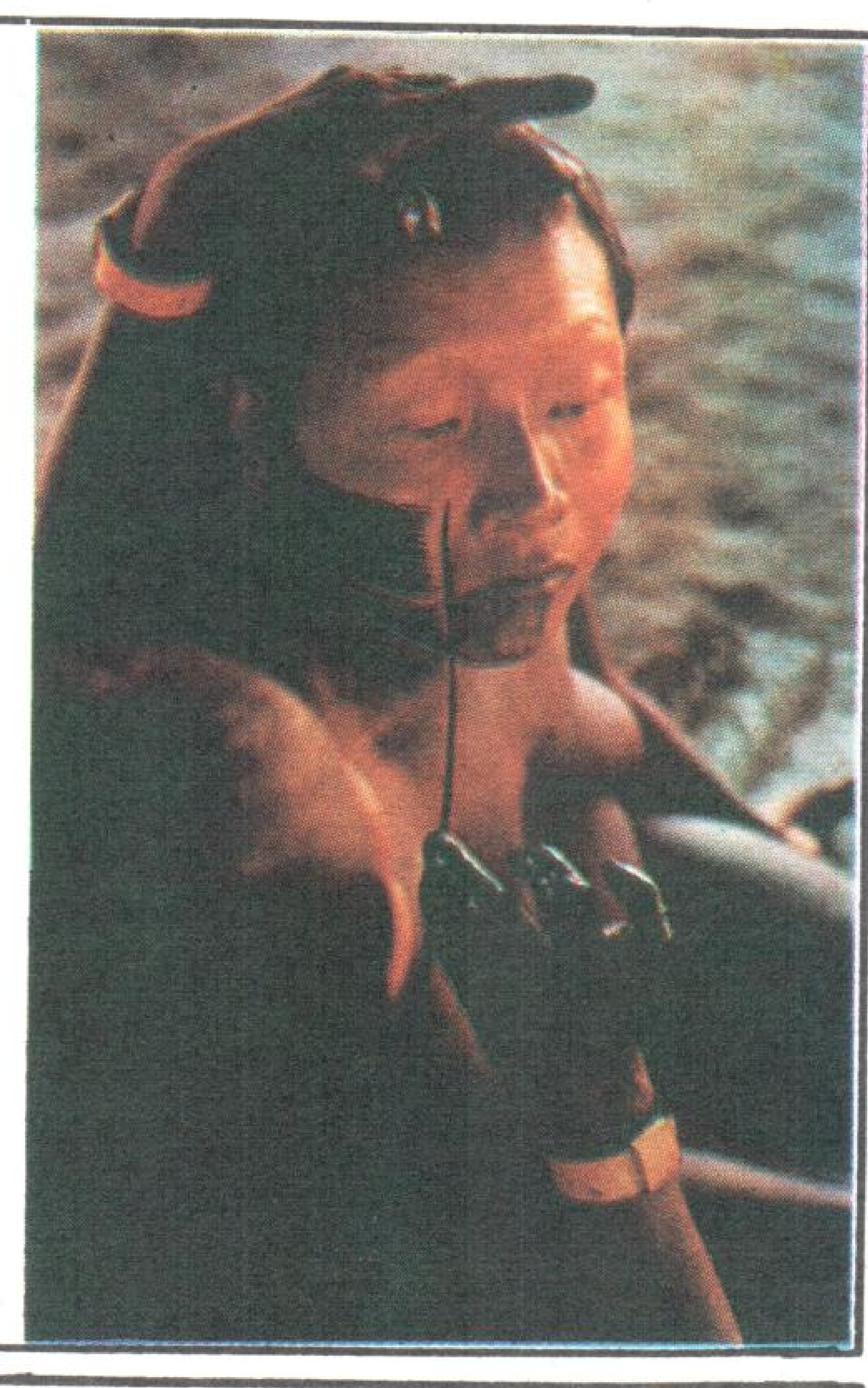
«Наконец-то мы вернулись,— сказали они корреспондентам,— наконец-то мы вернулись в двадцатый век!» Пятеро молодых англичан — трое ребят и две девушки — было отброшены назад, в дожелезные века, железной рукой Би-би-си. Телевидение проводило сенсационный эксперимент: испытуемые должны были жить как первобытные люди, пользуясь их орудиями труда и охоты, и, соответственно, ели они только то, что сами могли добыть. Все это снималось на пленку. «Прожив год в прошлом,— писали английские газеты,— пятерка отважных теперь с особенным удовольствием вкушает все блага цивилизации». «Не знаю, как мои товарищи, а я уже "вкусил",— говорит 26-летний Мартин Элпик.— Я не могу найти работу по специальности — я филолог. К счастью, удалось устроиться продавцом в рыбный магазин...»

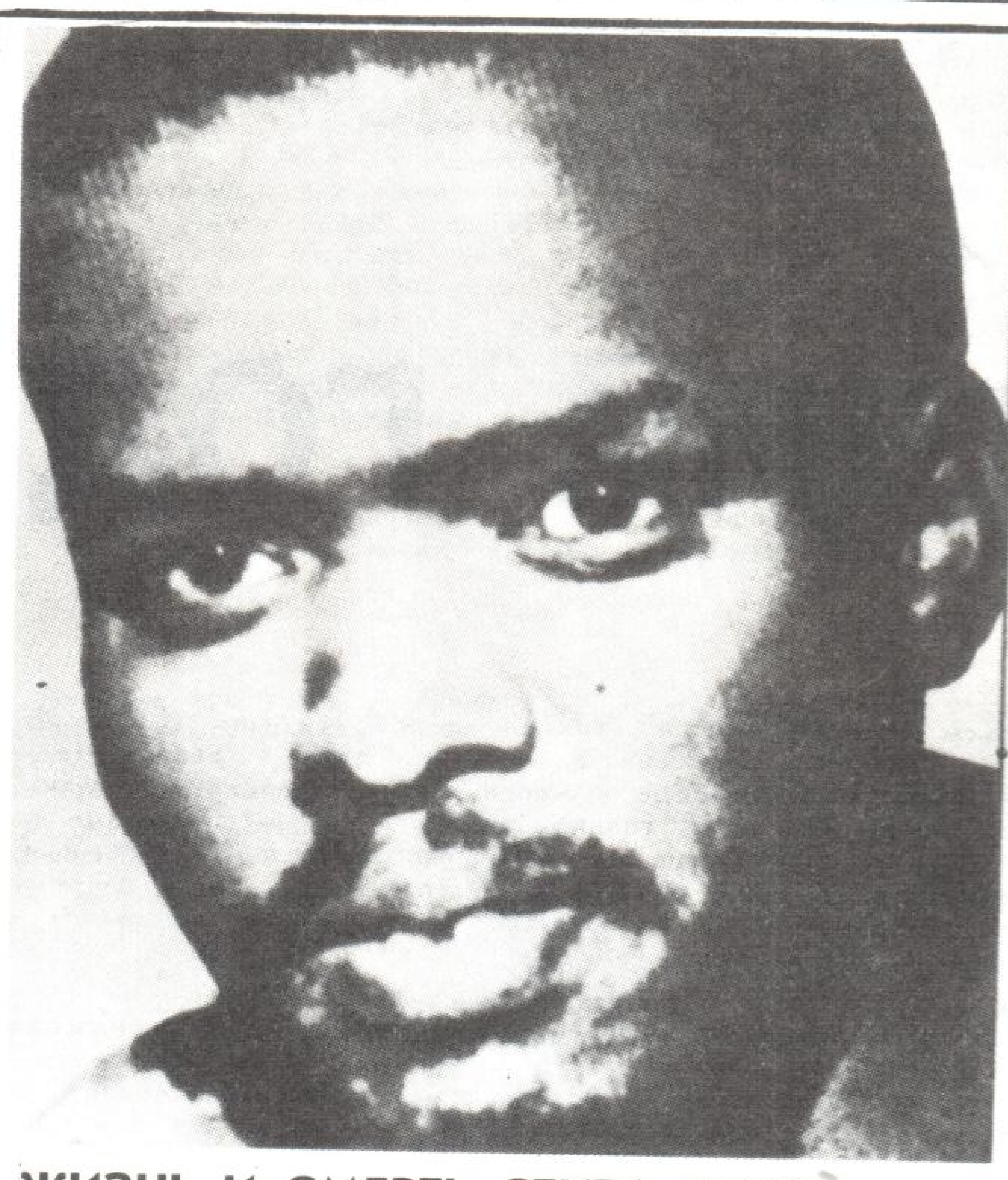
АМАЗОНКА С АУКЦИОНА

Когда-то географы и натуралисты, рассказывая о тайнах и чудесах Амазонии, не жалели таких слов, как «самый», «удивительный», «уникальный»... Амазонка с ее тысячью притоков не просто река, это половина континента, бассейн, в 14 раз превосходящий по площади бассейн Миссисипи; ее длина равна расстоянию от Нью-Йорка до Парижа; один лишь остров ее Белем по площади равен Швейцарии; ее сток — пятая часть всей пресной воды, получаемой Мировым океаном.

Об Амазонии теперь говорят даже больше, чем прежде. Но говорят скорее с тревогой, чем с изумлением. Ученые установили, что невероятное буйство зеленых джунглей покоится на столь тонком слое плодородной почвы, что любое неосторожное вторжение человека в этот сложный природный цикл способно превратить вечные джунгли в вечную пустыню.

А вторжение это идет. Особенно беспокоит бразильцев нашествие богатых иностранцев, закупивших гигантские территории. Один лишь американский миллионер 82-летний Даниэль Людвиг купил 12 тысяч квадратных километров по 5 центов за гектар. Сейчас на этой территории идет хищническая вырубка леса и его выжигание. У мистера Людвига свои планы на Амазонию. Коренных жителей он в расчет берет лишь в качестве живых декораций. А декор — ритуальный узор на их лицах — наносится мазутом (благо луж его вдоль берегов Амазонки теперь хватает).

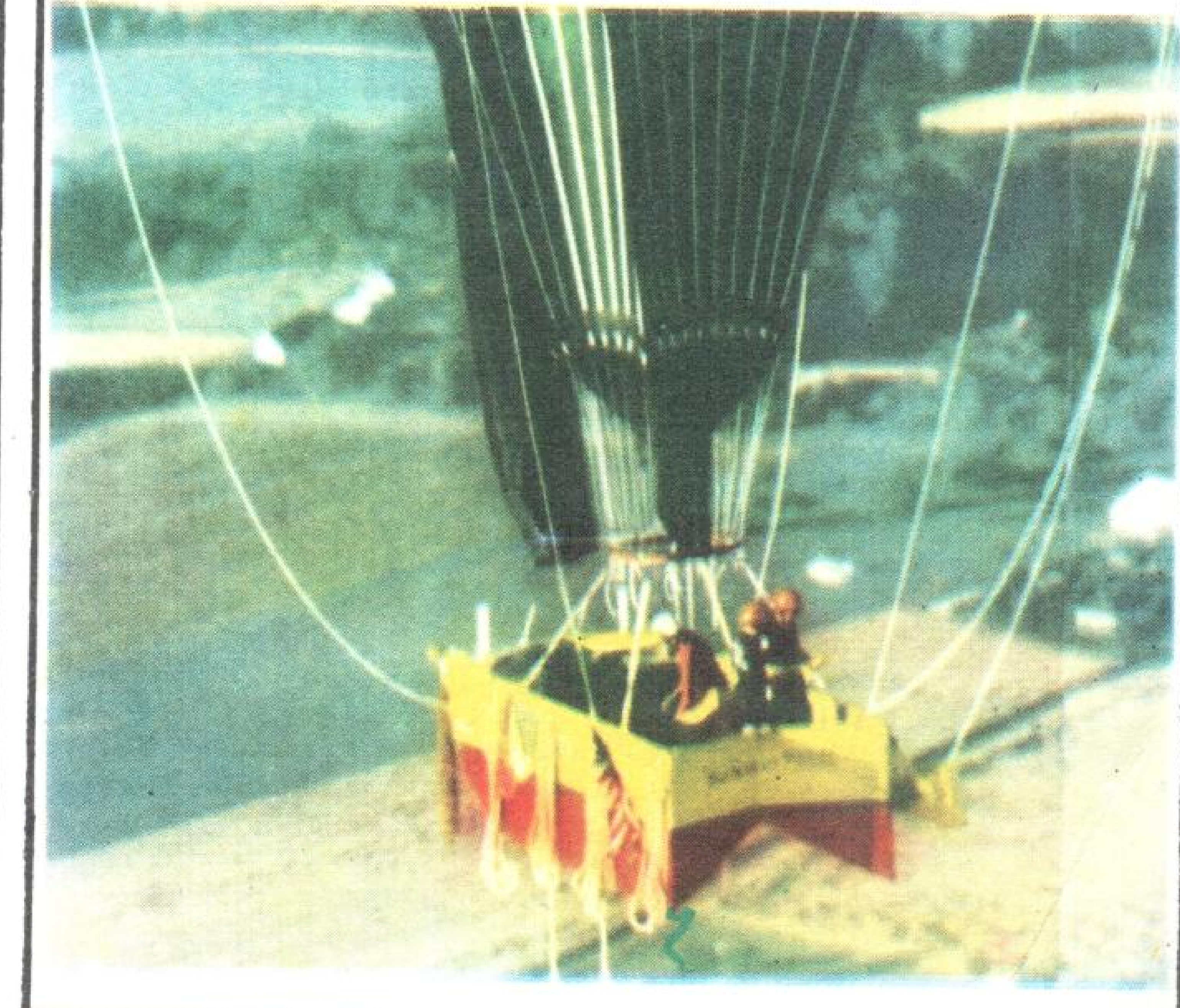
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СТИВА БИКО

Бывает, что судьба одного человека вбирает в себя трагедию целого народа. Так случилось со Стивом Бико. В августе 1977 года власти ЮАР арестовали студенческого лидера борьбы с апартеидом, а месяц спустя объявили о его смерти в результате... голодовки. Гибель 32-летнего активиста вызвала такое возмущение в мире, что правительство Форстера было вынуждено провести расследование. Выяснилось, что Стива, закованного в кандалы, содержали обнаженным в камере-одиночке, подвергая беспрерывным допросам. Во время одного из них Бико, как гласила полицейская версия, «ранил себя (!) в голову». Лишь через три дня его повезли, по-прежнему в кандалах и обнаженного, на грузовике из тюрьмы Порт-Элизабет в столицу Претории «для лечения» (!). Он скончался в тюремной больнице.

Одним из тех, кто громогласно требовал наказания виновников зверской расправы с Бико, был редактор южноафриканской «белой» газеты «Дейли диспетч» Дональд Вудс, друг Стива. Власти не замедлили с ответом. Вудс был помещен под домашний арест. Днем и ночью неизвестные грозили по телефону расправиться с «негролюбом». За угрозами последовали действия: сын Дональда, вскрыв прибывшую по почте посылку, получил тяжелые ожоги. Опасаясь худшего, Вудс отправил семью в Лондон, а затем, загримировавшись, бежал из дому. На попутных машинах он добрался до границы, вплавь пересек реку и сел в самолет, отлетавший в Европу. Он выпустил книгу «Жизнь и смерть Стива Бико». «Пусть власти Претории не думают, что, замучив Стива, они заставили его замолчать»,— пишет в предисловии автор.

В ГОНДОЛЕ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Сто лет спустя после жюль-верновских героев три американца впервые пересекли Атлантический океан на воздушном шаре. Воздухоплавателей зовут Бен Абруццо, Макс Андерсон и Ларри Ньюмен. До них было сделано немало попыток пересечь Атлантику таким путем, но все они заканчивались неудачей. Двое из тройки нынешних победителей — Абруццо и Андерсон — уже стартовали в сентябре 1977 года в штате Мэн, однако на пятые сутки их шар «Дабл Игл-I» упал в воду в сотне миль от Исландии. 12 августа следующего года упорные воздухоплаватели повторили попытку уже втроем и через 138 часов благополучно приземлились под Парижем. Финиш во Франции был избран не случайно: полвека назад по этому же маршруту через Атлантику впервые перелетел на фанерном моноплане Чарлз Линдберг. Как и тогда, смельчаков встречала восторженная толпа. Герои дня, оправившись от волнения, запросили помощь полиции, боясь, как бы поклонники не разодрали оболочку воздушного шара «Дабл Игл-II» на сувениры. Отвечая на вопрос, собираются ли аэронавты в новый полет, Абруццо сказал, что они намерены повторить кругосветное путешествие героев Жюля Верна. «Только мы надеемся, что оно займет не 80 дней»,— уточнил Андерсон.

Американский писатель Норман Мейлер — эссеист, прозаик и поэт — родился в 1923 году неподалеку от Нью-Йорка, рос в Бруклине, окончил Гарвардский университет, во время второй мировой войны воевал на Тихоокеанских островах. Его военный опыт лег в основу романа «Нагие и мертвые» (1948 год), который до сих пор признается лучшим американским произведением о второй мировой войне. Показывая тускло-кровавые будни тихоокеанской битвы, писатель рассказывает попутно о довоенной судьбе основных персонажей романа («героями» их назвать никак невозможно), что позволяет ему дать острокритический анализ всего американского общества.

Многие считают, что в дальнейшем Норман Мейлер не нашел своего литературного пути: на всем его творчестве лежит отпечаток постоянных метаний между реалистической критикой современного уклада жизни в США и модернистским изображением неизбывных, как он считает, ужасов бытия. Однако в своих лучших публицистических и художественных произведениях Мейлер всегда остается талантливо чутким, а главное, честным исследователем американского миропорядка, и коренные проблемы Соединенных Штатов неизменно привлекают его внимание. Для примера можно назвать такие произведения, как «Самореклама» (1959 год), где ярко очерчена жизнь писателя в послевоенном американском обществе, «Президентские документы» (1963 год), где повествуется о судьбе президента Кеннеди, или «Армии ночи» (1968 год) — рассказ о походе демократической общественности к Пентагону в знак протеста против внутренней и внешней американской политики.

Рассказ «Может, на будущий год» (взятый из сборника «Короткие произведения Нормана Мейлера», 1968 год) переносит читателя в эпоху Великой депрессии (1929—1933 годы), когда граждане США очередной раз столкнулись с крушением американской мечты о всеобщем благоденствии. Писатель однажды сказал, что без этого маленького рассказа невозможно верно оценить его творческий путь.

Норман **МЕЙЛЕР**

МОЖЕТ, НА БУДУЩИЙ ГОД

Рассказ

Поезда все проезжали, очень быстро и мимо — через поле по-за дорогой, мимо дома и дальше. А я, бывало, уйду и бреду по полям, когда мать с отцом разругаются из-за денег, и ругаются, ругаются,— всегда из-за денег, а я — только бы их ругань не слышать — перейду через дорогу, спущусь с холма — там у нас высоченная и густая трава, и скользкая, как будто собаки насикали,— а потом подымусь из низины наверх, продерусь сквозь траву и вылезаю на насыпь, и шагаю себе, шагаю, шагаю по рельсам.

Почему у нас нет денег, вечно у нас нет денег, ну и муж мне попался, ну какой от него прок, поглядите на него, на выродка его гляньте, посмотри на сына, посмотри на мальчишку, я его зову, а он и ухом не ведет, хорош у нас сыночек, не лучше папаши, почему ты никогда не зарабатываешь денег!

Стебли были твердые, и вроде как острые — мне всегда приходилось совать руки в карманы, чтобы пальцы не порезать; а травины длиннющие — иногда как хлестанет, как хлестанет по лицу, а я как разозлюсь, и давай их выдирать, чуть не с корнем, порежу себе пальцы и реву, да только недолго: вокруг-то никого, ну и остановлюсь; я давно уж это знаю: не могу я реветь, если никто меня не слышит, сразу перестаю, а почему — непонятно, ведь если люди вокруг, то я реву и реву, да еще и приговариваю, вот убегу, мол, и умру, и реву, и реву — если кто-нибудь меня слушает.

А что я могу сделать, если негде их заработать, через себя ведь не прыгнешь, и все пилит и пилит, господи, ну кризис, ни у кого их теперь нету, все время у нас ругань из-за этого пащенка, не смей меня сравнивать с проклятым мальчишкой, лучше вон в доме почаще убирайся, что я могу сделать, если он недоумок, не один я виноват, что он такой уродился, может, он вырастет и станет умней, а денег у нас нету, потому что кризис, ни у кого их теперь нету, негде их заработать.

А рельсы, они как зеркало, только здорово смешно. И я в них гляделся: в каждой рельсине я. И вроде если в рельсе, то я длинный-предлинный, а вроде и маленький; нет, длинный-предлинный — огромный, как отец, только если далеко: например, он на холме и возвращается домой — далеко-предалеко и огромный-преогромный, а глянешь, он маленький, палец выставишь, и он с палец, а уберешь, он на холме: далеко и огромный в траве — раз в десять будет больше, чем я.

И куда это мальчишка вечно удирает, почему ты не поищешь своего сыночка, все равно ведь не работаешь, сидишь тут сиднем, мог бы и мальчишку приучить к дому, пусть бы и он сидел дома, как ты, все-таки мне было бы немного полегче, не приходилось бы таскаться за ним по полям, а ты, мозгляк, и этого не можешь, никогда я не видела таких слизняков, вот отец у меня вроде тоже мужик, да не из таких, как ты, из другого, видно, теста.

И если по рельсам идти и идти, там есть такое место, и можно пробраться, где все эти здоровенные ползучие товарняки утягиваются в город; а с насыпи спустишься, прокрадешься в траве — только надо осторожно — и видно: прямо в поле сидят эти дядьки, которые перед городом спрыгивают с поездов.

Они были грязные и старые дядьки, и они просто сидели и курили свои трубки и стирали свои грязные и старые рубашки,— вода была желтая, я там раньше купался, а потом мать как стала, как стала орать, что, мол, грязные поганые старики, и не пускала.

Мерзкие, грязные, поганые старики, заболеешь и умрешь, они заразные, заразные, а городские-то власти тоже хороши, не могут в своем округе навести порядок, теперь уж и на ферме нельзя жить спокойно, все равно вокруг шляются городские выродки, теперь и за городом от них нету житья, почему им разрешают околачиваться тут в поле, почему их не отправят, откуда они выползли!

Рис. В. Леонтьева

Мне они не нравились, эти старые дядьки, всегда они трепались промеж себя и смеялись, а то еще соберутся и песни орут. Я знал, что они поганые: мне мать говорила — мол, подойдешь к ним, и они тебя заразят, и умрешь, но один раз я все равно к ним подошел и поговорил — когда мать с отцом раскричались, а я опять убежал. Подхожу я, значит, к дядькам, и они на меня смотрят, а один — он сидел на своем грязном узле, как аист на гнезде,— поднялся и говорит, и это он надсмехался: сынок, дескать, не дашь ли, мол, старичку на кофеечик, а остальные обрадовались и давай хохотать: хо-хо — хохочут, хо-хо-хо-хо. И потом они все меня окружили, чтоб посмеяться, и один сказал, что возьмет мою рубашку и сделает утирку: ему, мол, некуда сморкаться, а другой — здоровенный,— он схватил вдруг ком грязи и начал замахиваться, а я как зареву: я же ведь не знал, что он тоже для смеху,— и тогда он захохотал, а швырнуть не швырнул.

Мальчишка все время так и лезет в беду, почему ты никогда не присмотришь за сыном, почему разрешаешь ему убегать, кто их знает, на что они способны, почему они не работают, как нормальные мужчины, люди вон говорят, что они и не мужчины, да кому я говорю, разве ты-то мужчина, какой из тебя мужчина, вот не смотришь за мальчишкой, вот вырастет он таким же мозгляком, как ты, увидишь, попадет он с этими выродками в беду!

Отец сгреб меня, схватил меня и потащил меня по лестнице, и прибил, и запер, и спустился обратно, и они с матерью орали и орали внизу, а я вверху ревел, но они громче орали. Я их думал перереветь, да, наверно, заснул, потому что потом вдруг сразу сделалось утро, а я вроде даже и реветь не переставал. Дверь была отперта, и я прокрался по лестнице — они сидели на крыльце и ничего не говорили,— я их ненавидел, я прошмыгнул между ними и скорее во двор и схоронился за домом. Гляжу, они выскочили, и побежали по дороге, и зовут меня, кличут, а бегут-то не туда. И, вижу, оба злющие, а зовут меня ласково — бывало, они вот так же зазывали нашу собаку, а поймают — и прибьют; и такая меня тоска взяла, ну прямо чувствую — невтерпеж. Потом они остановились и пошли обратно, а я не хотел, чтоб меня снова прибили, юркнул за дом, и они меня не видели, перебрался через дорогу, и спустился в поле, и вылез на холм — все бегом: убегал я — добежал до насыпи и дальше по шпалам, и опять вниз, и спрятался в траве, и пополз к этим дядькам, ну вот мать-то говорила, мол, поганые и заразят. А их там уже не было, никого не осталось, только один старик, который вчера надсмехался. Он лежал на земле и стонал, и скулил, как будто его забили в кровь и до смерти.

Я к нему подошел, а он на меня смотрит. А потом вдруг пополз и бормочет, бормочет: помоги, малыш, помоги, малыш, бормочет и подползает. Ему, видно, ногу перебили, у колена: она вся раскровенилась и по земле волочится.

Задай ему, выдери его, выдери, заслужил, бегает к этим грязным, поганым старикам, выдери его, выдери, он неслух, он заслужил.

Старик был как змея, и я попятился, чтоб бежать, а он за мной ползет и бубнит, и бубнит: подожди, малыш, подожди, малыш, подожди, малыш, подожди, а сам весь как змея и в кровище, и ползет. И я на него заорал, уходи, уходи, ты поганый, заразный старик, уходи, а он все ползет, и я схватил тогда камень, да как запущу в него, запущу, не попал, и второй как запущу, и попал по голове — он ползти перестал, да как взвоет, как взвоет — он жуть как выл, а лицо все в крови.

За что, малыш, за что, малыш, за что, малыш, за что бьешь!

Ты поганый старик, ты противный, отстань, отстань, ты поганый, заразный старик.

Помоги, малыш, господи, я с ума сойду, пекло, не оставляй меня в этом пекле, не оставляй меня в этом пекле.

Я повернулся и побежал, и я слышал, как он выл, и мне было страшно, но я бежал и бежал, и говорил: я ненавижу их, ненавижу, ненавижу, и трава меня хлестала, ненавижу, и хлестала, и я не мог держать руки в карманах и порезался, и она меня хлестала и обдирала мне пальцы, и я упал, и поднялся, и все бежал и бежал, и выбрался на холм, и пошел по дороге.

Мать с отцом опять сидели на крыльце, и я их увидел, и начал реветь. Я ревел и ревел, а они спрашивали, в чем дело, и почему это я плачу, а я ревел и ревел, и повторял только, дескать, страшный, поганый старик.

И мать мне сказала, мол, я думала, их всех выгнали, я не знала, что они тут остались, да ты, может, врешь!

Я не вру, я не вру, я не вру, я не вру.

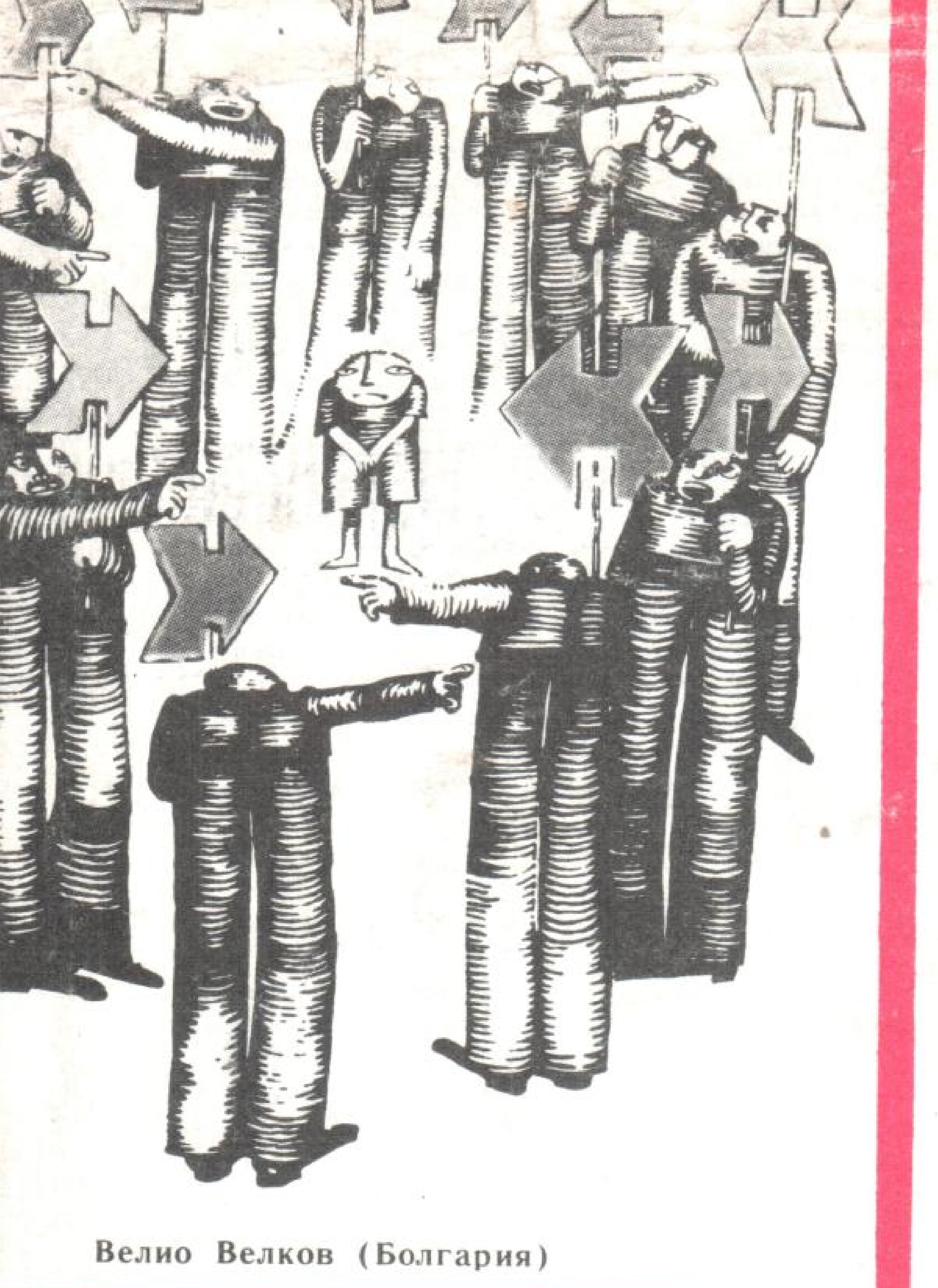
И тогда отец встал и сказал — он предупреждал. Мол, он твердил матери — не надо этого делать, а она вечно вобьет себе чего-нибудь в голову и не может остановиться, мы их всех поразогнали, не знаю уж, как мы упустили его в темноте, у нас были фонари, а может, и упустили, а мальчишке так и надо, и сам виноват, зачем он туда шлялся, да и ничего с ним не случилось, говорят тебе, ничего, я сразу его заметил, и он не ревел, пока нас не увидал.

А мать ему сказала, что, мол, был бы он мужчиной, он пошел бы и прикончил этих подонков за сына, да куда ему, он и вчерато, мол, боялся идти, была бы я мужчиной, я бы с каждым разделалась, кто тронет моего сына, а ты только треплешься: сидишь тут и треплешься, что мальчишка виноват.

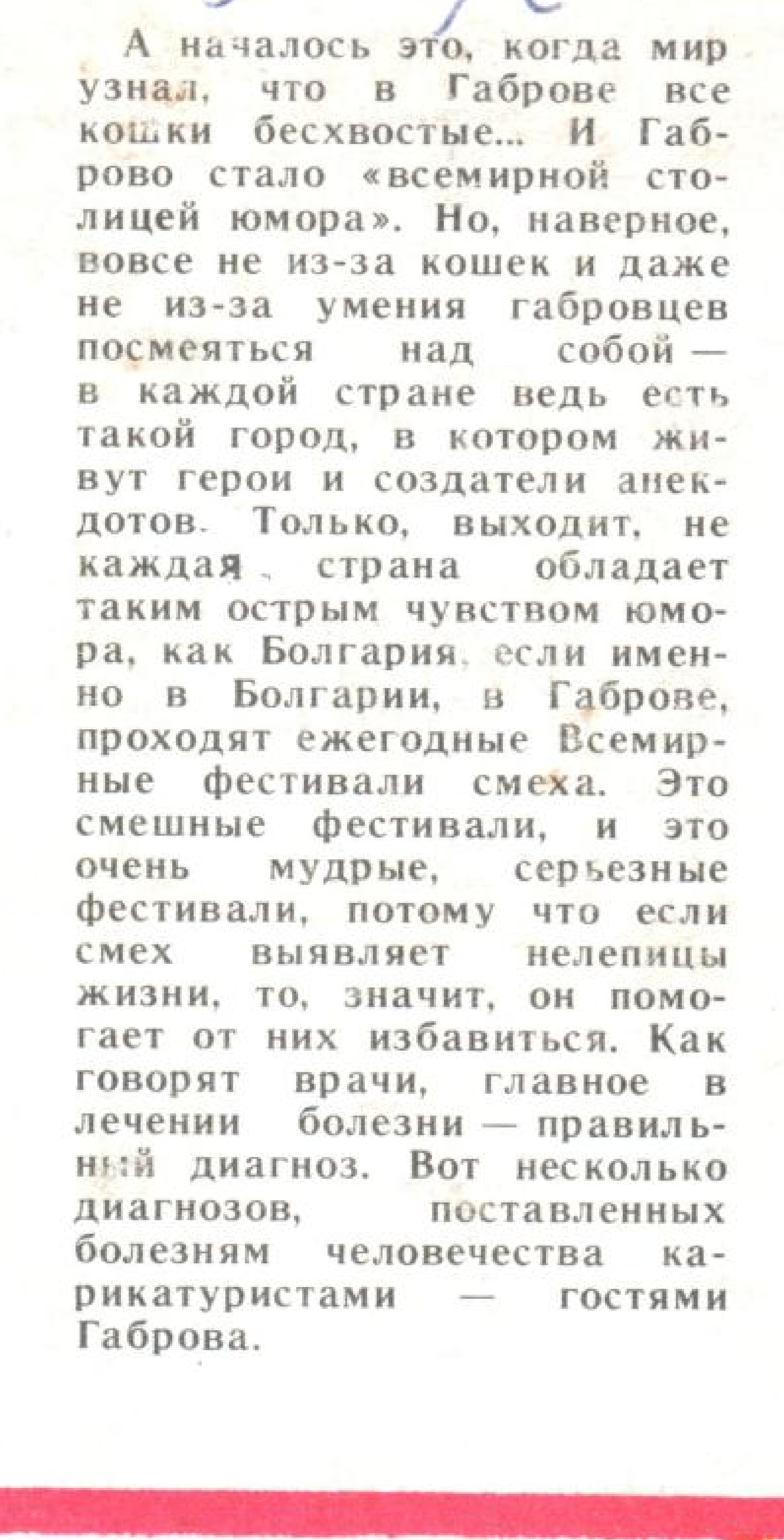
Отец, гляжу, поднялся, стал ходить по двору — он кругами ходил и говорил, дескать, нет, не мальчишка виноват, но и те не виноваты, ничего я им не сделаю, проклятый мальчишка, все ссоры да ссоры, а работы вон нету, будь оно все проклято, я и сам таким стану, как те бродяги, может, на будущий год, а потом он вдруг выскочил на дорогу и пошел, но не к городу, где сидели эти дядьки, а от города. И я видел: плечи у отца были вздернуты — ну вроде они сложились вокруг шеи — и вздрагивали, и тут мне стало легче, потому что я подумал: вот я сегодня видел двух взрослых, которые плакали, и еще я подумал: может быть, я тоже становлюсь уже взрослым, поэтому и увидел — и мне стало легче.

Предисловие и перевод с английского
А. КИСТЯКОВСКОГО

Велио Велков (Болгария)

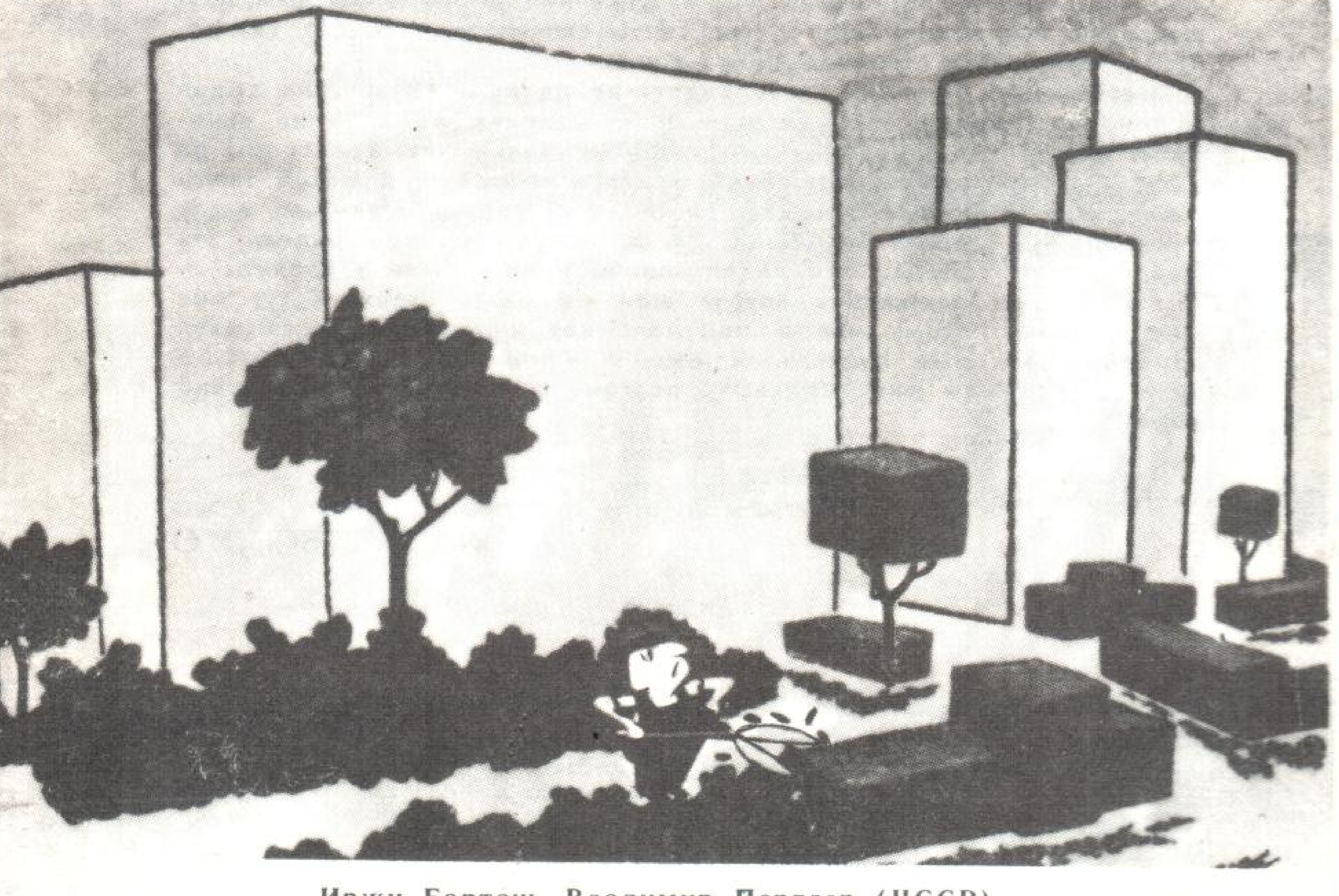

5-70

А началось это, когда мир узнал, что в Габрове все кошки бесхвостые... И Габрово стало «всемирной столицей юмора». Но, наверное, вовсе не из-за кошек и даже не из-за умения габровцев посмеяться над собой — в каждой стране ведь есть такой город, в котором живут герои и создатели анекдотов. Только, выходит, не каждая страна обладает таким острым чувством юмора, как Болгария, если именно в Болгарии, в Габрове, проходят ежегодные Всемирные фестивали смеха. Это смешные фестивали, и это очень мудрые, серьезные фестивали, потому что если смех выявляет нелепицы жизни, то, значит, он помогает от них избавиться. Как говорят врачи, главное в лечении болезни — правильный диагноз. Вот несколько диагнозов, поставленных болезням человечества карикатуристами — гостями Габрова.

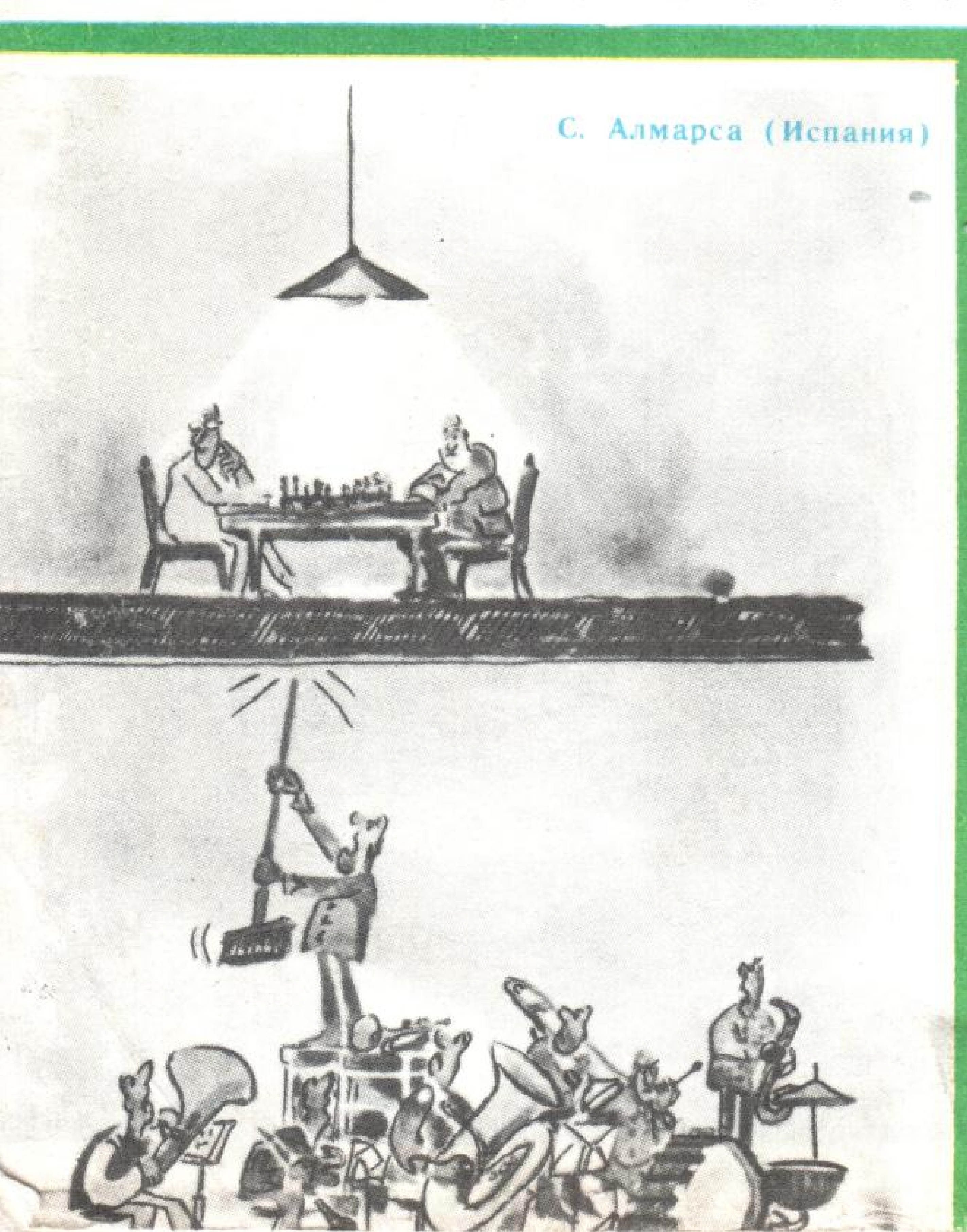

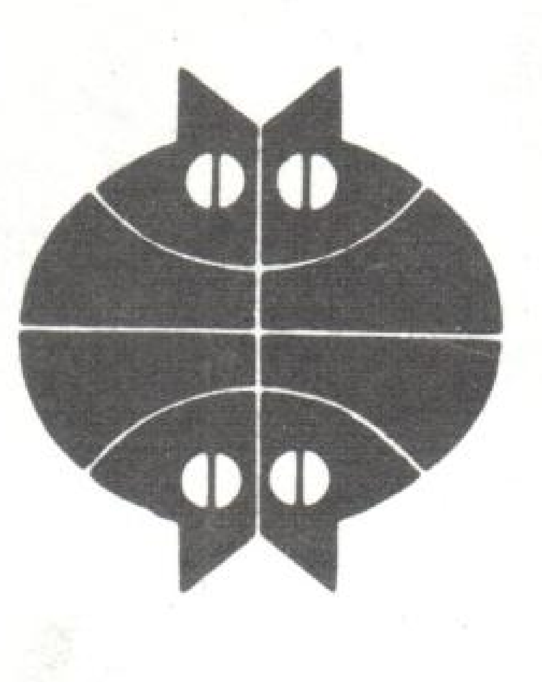
Георги Каралиев (Болгария)

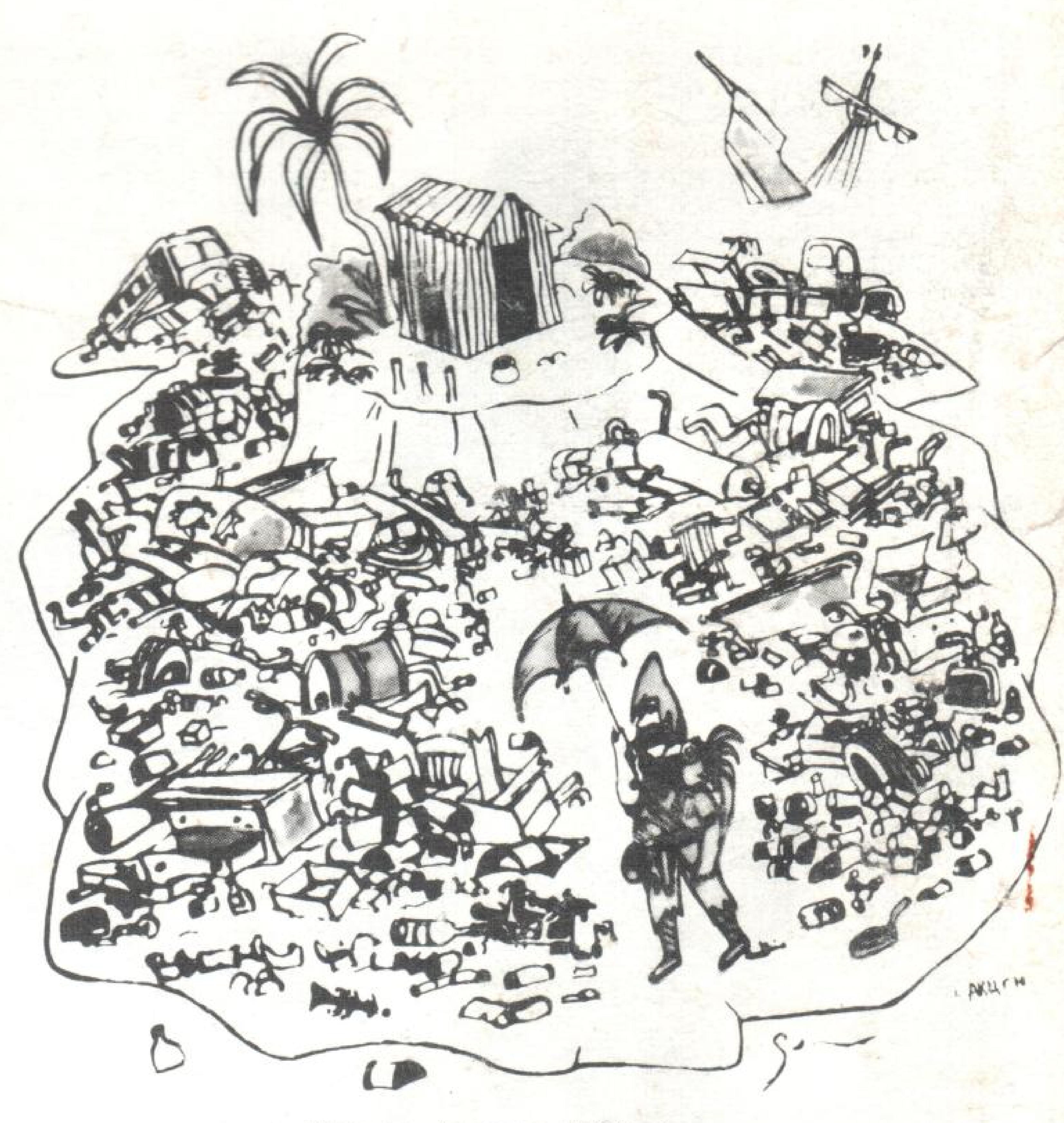

Иржи Бартош, Владимир Перглер (ЧССР)

С. Алмарса (Испания)

Карлос Алеман (Куба)

Цена 25 коп.
Индекс [illegible]81